КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

ФАВОРИТ ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Фаворит Ее Высочества — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 104 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).*

ISBN 978-5-4386-1356-5

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017



Эта история, как, впрочем, и множество других, о которых мы рассказываем в серии своих книг «Камчатские ссыльные», имеет свои глубинные корни, о которых мало кто подозревает. Да и расскажи кому о таинственной связи Ордена кромешников Ивана Грозного с дворцовыми заговорами внутри и вокруг Дома Романовых восемнадцатого столетия, — на смех ведь поднимут.

Алексей Шубин, о котором пойдет наш рассказ, — во всех историях всех без исключения историков — это пешка, которая волею случая могла превратиться в ферзя.

Поэтому и мы не будем нарушать устоявшейся традиции и начнем свой рассказ с обычного: с простого гренадера, о котором повествует «История Семеновского гренадерского полка»:

АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ШУБИН

Эпоха начала XVIII века, эпоха дворцовых переворотов, заговоров, фаворитизма и постоянной борьбы претендентов на российский престол, выдвинула из неизвестности целую плеяду замечательных лиц. К числу таких лиц можно отнести и сержанта Л. Гв. Семеновского полка Шубина.

Поступив «по определению» генерал-майора Дмитриева-Мамонова 26 февраля 1724 года в Семеновский полк из «дворянских детей», он был определен в гренадерскую роту гренадером. Произведенный в 1726 году в капралы, Шубин уже 25 октября 1727 года был пожалован в сержанты по именному Ее Императорского Величества указу. Случаи такого быстрого повышения по службе бывали в полку не часто: своей карьерой Шубин был обязан тому,

что, откомандированный ко двору Цесаревны Елизаветы Петровны[1], он быстро обратил на себя внимание и вскоре сделался близким лицом к Цесаревне.

Близость эта, пока жива была императрица Екатерина I, держалась в строгой тайне и была известна только очень немногим лицам. Но уже через полтора года Шубин, занимая должность казначея Цесаревны, показывается всюду с юною Елизаветой (ей еще не было и 19 лет), сопровождает ее на всех охотах, которыми так увлекался двор Петра II, и вместе с небольшим кружком придворных, окружавших Елизавету, уединяется на целые недели в загородном имении Цесаревны.

Однако близость эта, о которой уже все знают, начинает компрометировать юную принцессу, а это не входит в планы тех немногих лиц, которые мечтают увидеть дочь Петра Великого на престоле. Цесаревна же думает лишь о Шубине. Его необходимо удалить, и 21 апреля 1730 года он по Именному указу «из полку выключен и от полковой службы отставлен вовсе, а при отставке дан ему ранг гвардии прапорщичий». Но Шубин остается в Петербурге, свидания с Елизаветой продолжаются, и пылкий, увлекающийся красавец снова компрометирует и Цесаревну, и себя, но уже «неосторожными речами» о замышляемом перевороте. Его ссылают в Ревельский гарнизон.

Понемногу все о Шубине забывают, забываются и его неосторожные речи; о них помнит только императрица Анна Иоанновна, и через год, когда открылось «некоторое зломысленное намерение» офицеров гвардии князя Долгорукого и князя Барятинского (приверженцев Елизаветы), то хотя никаких других «причастников» к их делу не узнали, Императрица за вину других приказывает Миниху Шубина арестовать и привезти в Петербург вместе с двумя его дворовыми людьми. Дело ведется в строгой тайне, и несмотря

[1] В то время солдаты и унтер офицеры гвардейских полков постоянно откомандировывались к высокопоставленным лицам

на то, что ничего нового не открывается, Шубина отправляют в отдаленную ссылку в Сибирь, причем принимаются особые меры предосторожности. В указе губернатору Сибирской губернии Алексею Плещееву между прочим предписано: когда привезен будет Шубин с людьми, принять его под свой караул «и таким образом, чтобы никто про него не ведал, отправить Сибирской губернии в самый отдаленный от Тобольска городской острог, в котором таких арестантов не имеется, и велеть там содержать его в самом крепком смотрении, дабы посторонние никто известиться о том не могли, и о том и людям такожде накрепко велеть смотреть, чтоб никому никаких писем они не писали и к ним не отдавать; а на пропитание давать ему Шубину и с людьми его всем по 20 копеек на день». 9-го января 1732 года Миних донес Императрице, что он получил данный 5 января на его имя указ, а также указ Плещееву, и того же числа отправил Шубина и людей его «с нарочным Астраханского полку подпоручиком Скрыплевым и надлежащим числом солдат на ямских подводах»[2].

[2] Михайлов. Сборн. историч. материалов. Спб., 1873. С. 149.



ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА.
Л. Гв. Семеновского полка полковник (1730–1740).
С гравюры Я. Хубракена.
Императорский Эрмитаж.

Как потом оказалось, Шубина отправили в самый отдаленный острог на Камчатку, и есть предание, что он там даже был насильно обвенчан с какой-то камчадалкой.

Проходит девять лет. На престоле младенец Иоанн III, и правительница Анна Леопольдовна соглашается на просьбу Цесаревны вернуть Шубина из ссылки. Однако исполнить желание Елизаветы Петровны не так легко. По словам Манштейна, бывшего адъютанта фельдмаршала Миниха, «всякой раз, когда ссылают кого в Сибирь, не означая в указе места его заточения, ссылочному дается и иное название, как то водится в испанской инквизиции. Даже сам Двор иногда повелевает делать таковые перемены, не относясь по сему в тайную Канцелярию, а от сего и происходит затруднение в отыскивании несчастных»[3].

Когда Императрица Елизавета взошла на престол, она тотчас же вспомнила Шубина, и 29 ноября 1741 года вновь пишется уже третий указ о его освобождении, и также тщетно.

Пецольд[4] в своем донесении королю пишет о Шубине: «Его нигде не могли отыскать. Вспомнив однакоже, что то время приказы отдавались чрез несчастного фельдмаршала Миниха, послали к нему нарочного и таким образом узнали наконец о месте заточения Шубина. Он находился в самой отдаленной местности Камчатки; говорят, что со всеми объездами туда нужно считать более 15000 верст»[5].

Пишется новый указ. За Шубиным отправляется подпоручик Семеновского полка Алексей Булгаков. После долгих розысков, наконец удается выполнить поручение Императрицы. По рассказу Гельбига, посланный, объездив почти все тюрьмы, уже было отчаялся найти Шубина. «Наконец, возвращаясь в Россию, посетил он вторично одну тюрьму,

---

[3] (Манштейновы) современныя записки о России. Ч. II. Дерпт, 1810. С. 202.

[4] Petzold — саксонский резидент в Петербурге.

[5] Сборник Имп. Росс. Историч. Общества. Т. VI. С. 484.

переспросил опять всех и с отчаянием воскликнул: «Что же скажет наша императрица Елизавета Петровна, если я не привезу ей Шубина?» «Что?» — вскричал один из арестантов, — «Если императрицею теперь Елизавета, то я — Шубин»[6]. Впрочем, на последнее свидетельство Гельбига надо смотреть скорее как на предание.

О возвращении Шубина в Петербург Пецольд пишет королю: «По прибытии Шубина ему отвели квартиру во дворце; Ея Величество Императрица пожаловала ему орден св. Александра Невского, а в прошедший понедельник назначила его премьер-майором Семеновского полка с производством в генерал-майоры армии». Через месяц Пецольд опять доносит: «Императрица подарила (Шубину) принадлежавший прежде несчастному обер-гофмаршалу графу Левенвольде великолепный дворец со всем убранством и сверх того деньгами и драгоценными вещами более 50000 рублей»[7]. Кроме того, Шубин получил 2000 душ в Александровском уезде Владимирской губернии.

Лица, видевшие Шубина при дворе, по возвращении его из Сибири, уверяли, что он был бледный и заботы сильно изменили его лицо, но что все еще можно было открыть следы прежней красоты.

Несмотря на все милости Императрицы, Шубин никогда уже не вернул своего прежнего положения и по интригам своего давнишнего недоброжелателя Лестока 17 декабря 1744 года «по расстроенному здоровью» получил увольнение с чином генерал-поручика. С этого времени он жил в своей деревне, где и умер 15 февраля 1765 г.

Помещаем некоторые документы, относящиеся к биографии Алексея Яковлевича Шубина.

---

[6] Георг ф. Гельбинг. Русские избранники. Берлин, 1900. С. 244—245.

[7] Сборник Имп. Росс. Историч. Общества. т. VI. С. 484 и 486.

I.

Именной указ генерал-фельдцейхмейстеру графу фон-Миниху о командировании в Ревель офицера для арестования бывшего при дворе цесаревны Елисаветы Петровны прапорщика Алексея Шубина.

Указ Нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фон Миниху.

По отъезде вашем отсюда открылось здесь некоторое зломысленное намерение у капитана от гвардии Нашей князь Юрья Долгорукаго с двумя единомышленными его такими ж плутами, из которых один Цесаревны Елисавет Петровны служитель, а другой гвардии ж прапорщик князь Борятинской, которые уже и сами в том винились; и хотя, по розыску, других к ним причастников каких не явилось, однако ж Мы разсудили за потребно чрез сие вам повелеть, чтоб вы, тотчас по получении сего, отравили от себя одного добраго офицера в Ревель, которому велеть, по приезде своем туда, тотчас взять из тамошняго гарнизона прапорщика Шубина, который прежде сего жил при доме помянутой Цесаревны, со всеми имеющими у него письмами и другими причинными вещьми, и привезть его за крепким караулом и присмотром в С.-Петербург и тамо, посадя его в тайне, а прочие его, Шубина, пожитки, в которых причины не находится, велеть оставить в Ревеле, за печатьми того посланнаго офицера и вице-губернаторскою; а каким образом тому офицеру во взятье и в провозе его до Петербурга, а особливо, чтоб из писем его чего не утерялось, в том поступать надлежит, о том дать ему вам от себя инструкцию, а об отдаче его посланному вашему указ к ревельскому вице-губернатору к вам при сем посылается. И повелеваем Нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фон-Миниху учинить о том по сему Нашему указу. А н н а.

Декабря 22 дня 1731 года. (Арх. Сен., кн. л. 11 и об.).

Указ Нашем Генералу Фелтъ-маршалу Князю Голицыну,

Гвардии нашей майора Степана Шепелева. Поэстрапту объявишемъ отобой десяцкомъ Шинъ Смертного убийства подопросомъ Салдат. которыя притомъ были. непоказано; а спротчемъ Шина Ево потому дълу. для - наступавшей нашей высъмъ общей Радости нашего императорского рожденія отпустится

Анна

Дан въ Москвъ
Апрѣля 25 дня 1730.

№ 3123.

Подъ Москвой Ермолов Голицыно апрѣля 25 дня 1730 году

II.

Всеподданнейшее донесение Ревельскаго коменданта Вилима фон-Дельдена, от 28-го декабря 1731 года[8].

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская! Вашего Императорскаго Величества высокий указ, писанный сего декабря 22-го, получил я чрез присланнаго из С.-Петербурга, от г. генерала-фельдцейхмейстера графа фон-Миниха, Ладожскаго пехотнаго полку поручика фон-Трейдена того ж декабря 27-го дня; по которому велено мне посланному от онаго г. генерала-фельдцейхмейстера для взятья из Ревельскаго гарнизона обер-офицера, и котораго именем требовать будет, отдать его тому присланному под караул, немедленно; и по тому Вашего Императорскаго Величества всемилостивейшему высокому указу, как по прибытии в Ревель помянутый порутчик Трейден объявил мне, что велено ему взять Ревельскаго гарнизона Дерптскаго полку прапорщика Алексея Шубина, того ж момента он, Шубин, мною и оным Трейденом тайным поведением взят под крепкий караул, а пожитки его им, Трейденом, при мне описаны, из которых некоторые взял с собою, а другие оставил в Ревеле за печатью своею; и оный порутчик фон-Трейден с ним Шубиным отправлены из Ревеля в С.-Петербург сего числа, а для караулу посланы с ним сержант один, солдат пять человек.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайший раб фон-Дельден.

---

[8] Михайлов. Сборн. историч. материалов. СПб., 1873. С. 147—148.

III.

Всеподданнейшее доношение генерал-фельдцейхмейстера Бургарда-Христофора Миниха, от 2-го Января 1732 года[9].

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу: посланный от меня по имянному Вашего Императорскаго Величества указу для взятья Ревельскаго гарнизона прапорщика Шубина, порутчик фон-Трейден декабря 31-го дня мне заявился и помянутаго прапорщика Шубина привез под крепким караулом, и при нем два человека людей его, о которых он помянутому поручику объявил, чтоб взять их с ним под арест же, также письма и некоторые пожитки, и он прапорщик, тако ж и люди его, по силе Вашего Императорскаго Величества имянного указа до прибытия Вашего Величества содержутся за крепким арестом в С.- Петербургской крепости каждый порознь, а что на них пожитков сюда привезено, о том с поданнаго от помянутого порутчика регистра при сем во всенижайшей моей покорности в копии приобщаю; и присланныя письма я разсматривал, и явились его деревенския партикулярныя и полковыя, а причинных никаких не имеется, и оные письма и пожитки содержутся у меня под караулом и за печатями.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайший раб.

[9] Михайлов. Сборн. историч. материалов. СПб., 1873. С. 148.

IV.

Регистр пожиткам Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексея Шубина, взятых в С.-Петербург[10].

1) Писем всяких связка; 2) часы золотые одни; 3) табакерка золотая с каменьям; 4) табакерка серебряная; 5) запонок золотых с синими камнями две; 6) образ маленький с алмазами; 7) другой образ в серебре позолоченный; 8) денег в мешечке за его Шубина печатью рублев с 5; 9) позументу стараго спорков, в бумаге; 10) платков шелковых половинчатовых семь, да целый один; 11) рубашка тафтяная; 12) одеяло тафтяное полосатое, подбито картуком; 13) шпага: ефес серебряный; 14) нити серебряныя с портупеею тканою золотою, пряжка медная; 15) шпага: ефес золоченый, гриф серебряный; 16) шапка бархатная соболья с кистью серебряною; 17) бешмет тафтяной полосатый, подбит лисьим мехом, пуговицы золотом шиты; 18) кафтан, камзол и штаны суконные дикого цвету, пуговицы шиты золотом, подбит гардетуром; 19) кафтан васильковый суконный, петли и пуговицы обшивныя серебром, подбит серыми овчинками; 20) камзол суконный черный простой; 21) портупея кортичная, шита серебром; 22) пряжка медная; 23) портупеев две, в том числе одна с позолоченою пряжкою.

Munnich.

[10] Михайлов. Сборн. историч. материалов. СПб., 1873. С. 149—150.

V.

Именной указ генералу-фельдцейхмейстеру графу фон Миниху об отправлении в Сибирь прапорщика Алексея Шубина с двумя его людьми. Указ Нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фон-Миниху.

Приведеннаго в С.-Петербург ревельскаго гарнизона прапорщика Алексея Шубина с двумя людьми его указали Мы послать в Сибирь, а как и где их в Сибири содержать, о том посылается при сем Наш указ к губернатору Сибирскому; и для того Нашему генералу-фельдцейхмейстеру, по получении сего, его Шубина, и с помянутыми людьми его отправить, прямо чрез Вологду, в Сибирь немедленно, придав ему одного добраго обер- или унтер-офицера, с пристойным числом солдат, и велеть их везти дорогою тайно, чтоб посторонние отнюдь ведать об них не могли, и для того в городех и в других знатных местах с ними не останавливаться, а становиться всегда в малых деревнях, и накрепко смотреть, чтоб он, будучи, дорогою, о себе никуда известия подать не мог, и о том обо всем дать от себя тому посланному надлежащую инструкцию, а потребныя на оное отправление деньги, что надлежит, держать из канцелярии вашего ведомства. А н н а. Января 5 дня 1732 года.

(Арх. Сен., кн. 56, л. 14).

VI.

Дело по имянному указу Ревельского гарнизона о прапорщике Шубине Генваря 7 дня 1741 году[11].

Копия.

Указ нашему генералу Ушакову

Всемилостивейше указали мы бывшаго в Ревелском гарнизоне прапорщика Шубина, кой в прошлых годех сослан в сылку в Сибирь, из оной ссылки свободить и позволить ему жить в деревнях ево и о том куда надлежит послать указ и повелеваем о том учинить по сему нашему указу

у подлинного подписано тако

Именем Его Императорского Величества

под тем подписано собственною Ея Императорского Высочества Государыни правителницы Великой Княгини всея России рукою тако Анна внизу того подписано тако Граф Минних

Генваря 2 дня
1741 году
С подлинным читал подканцелярист
Василей Прокофьев
подлинной Его Императорского
Величества указ получен сегож Генваря 7 дня.

[11] Гос. Арх. VII, № 760.

Из государственной военной коллегии в канцелярию тайных розыскных дел требовано известие бывшей Ревелского гарнизона прапорщик Шубин с котораго году и за какую вину послан в сылку в Сибирь

а по справке в военной коллегии вышеписанной бывшей прапорщик Шубин в котором году и за какую вину послан в сылку в Сибирь о том в той коллегии известия не имеетца

№ 446 подано июля 8-го 1741 году

записав взять к отпуску

в канцелярию тайных розыскных дел от сибирской губернской канцелярии

Репорт о получении указа

Его Императорского Величества указ из вышепомянутой канцелярии тайных розыскных дел генваря от 9 дня 741 году под № 313 о свободе сосланного в сылку в Сибирь бывшаго в Ревелском гарнизоне прапорщика Шубина в сибирской губернской канцелярии сего Марта 16 дня 1741 году получен

Петр Бутурлин
Секретарь Алексей Соколов
Канцелярист Григорей Старков
Марта 19 дня
№ 549. 1741 году

[Из военной колегии][12] в канцелярию тайных из военной колегии розыскных дел потребно прислать известие по силе Именного Его Императорского Величества указу без продолжения бывшей [в Ревелском][13] Ревелского гарнизона

[12] зачеркнуто.

[13] Михайлов. Сборн. историч. материалов. СПб., 1873. С. 150.

прапорщик Шубин в котором году и за какую вину послан в ссылку в Сибирь

Генваря 7 дня
1741 года
Подлинное за справою канцеляриста Семена Гостеева.

Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского из Санктпитербурха ис канцелярии тайных розыскных дел сибирской губернской сего генваря 7 дня по Именному Его Императорского Величества указу подписанному собственною Ея Императорского Высочества Государыни правителницы Великой Княгини всея России рукою повелено бывшаго в Ревелском гарнизоне прапорщика Шубина кой в прошлых годех сослан в сылку в Сибирь из оной ссылки свободить и позволить ему жить в деревнях ево, того ради по получении сего Его Императорского Величества указу оного Шубина объявя ему об оном Высочайшем Его Императорского Величества милосердии из Тобольска отпустить немедленно и сибирской губернской учинить о том по сему Его Императорского Величества указу

Генваря 9 дня 1741 году
на подлинном пишет тако

Генерал Ушаков
Ассесор Николай Хрущов
за справою канцеляриста Якова Елцына
Послан тогож 9 дня Генваря.

№ 447 подано июня 8 1741 году
записав взять к отпуску
Петр Бутурлин
Секретарь Алексей Соколов
Апреля 15 дня
Канцелярист Григорей Старков.

На полученной указ о свободе из сылки прапорщика Шубина.

Елисавета.

Ноября 29-го дня 1741 года.

Скрепил: Князь Алексей Черкасский.

Внизу помета: Отправлен с нарочным кабинет-курьером Яковом Чихачевым в Тобольск.

VIII.

Указ нашим губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и прочим управителям[14].

Понеже объявитель сего лейб-гвардии Семеновскаго полку подпоручик Алексей Булгаков отправлен в Сибирь до Камчатки, где содержим был лейб-гвардии прапорщик Алексей Шубин, котораго по указу нашему, отправленному еще в прошлом 1741 году

от 29-го дня ноября, велено оттуда отпустить ко двору нашему, но он и поныне не явился, и где ныне обретается — не известно, и для того повелено от нас вышепоказанному подпоручику Булгакову, едучи по тракту до Камчатки, об оном Шубине проведывать, не проезжал ли он где прежде его, и буде подлинно уведомиться, что он то место, в котором об нем достоверное известие получит, проехал, то ему, подпоручику Булгакову, от оного места возвратиться и следовать за ним со всяким поспешением и, соединясь с ним ехать ко

[14] Михайлов. Сборн. историч. материалов. СПб., 1873. С. 150—151.

двору нашему; а ежели он в пути об нем, Шубине, подлинаго известия получить не может, то как наискорее ехать до Камчатки и оттуда обще с ним возвратиться сюда; буде же, паче чаяния, оный Булгаков его, Шубина, и в Камчатке не застанет, то осведомиться ему токмо, которым он трактом оттуда поехал и по тому ж следовать за ним со всяким поспешением и, соединясь с ним, ехать обще ко двору нашему в С.- Петербург.

Того ради повелеваем нашим губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и прочим управителям: означенному отравленному от нас подпоручику Булгакову от Санкт-Петербурга по тракту до Тобольска давать почтовых, но где почт нет, ямских и уездных

по две, а от Тобольска до Камчатки с провожатым по три подводы без всякаго задержания и остановок, и сверх того, в преосведывании по тракту об оном Шубине чинить ему везде всякое вспоможение, и в котором месте он его, Шубина, найдет и возвратиться с ним обще, то давать им обоим таких же подвод, сколько потребно, за указаные прогоны и провожатых, как наискорее; а на платеж от Санкт-Петербурга до Тобольска прогонныя деньги даны ему из кабинета нашего, и сколько надлежит от Тобольска до Камчатки и обратно до Тобольска, то число по сему нашему указу дать ему из губернской Тобольской канцелярии. И сей наш указ прочитывая, отдавать его подпоручику Булгакову обратно. Дан в Санкт-Петербурге, февраля 28-го дня 1743 года.

Монарший гнев объясняют весьма просто — неосторожные любовники прижили двух детей, о которых знали уже многие, и, таким образом, Шубин приобретал особое влияние на особу, которая могла стать будущей императрицей: «*По высочайшему повелению прапорщик Шубин был арестован и сослан в Камчатку — на всякий случай. Однако с тех пор распространились упорные слухи о детях, прижитых Елизаветой от Шубина. Говорили, что их было двое — сын и дочь. По одной версии, сын назывался Богданом Умским, служившим в царствование Елизаветы в армии, а затем занявшего место опекуна Московского воспитательного дома; по другой — им был некто Закревский, ставший в конце карьеры президентом Медицинской коллегии.*

Но почему-то никто не может назвать имя дочери Елизаветы, хотя известно о какой-то тринадцатилетней девочке, которая жила во дворце и присутствовала на обедах вместе с Елизаветой и графом Алексеем Разумовским, с которым Елизавета состояла в тайном браке. Но с начала 40-х годов XVIII века упоминания о девочке исчезают из дворцовых хроник. Говорили, что она уехала из России. Куда?

О том, что у Елизаветы были дети от Шубина, подтверждают розыскные документы 1740 года, когда велось дознание по делу князей Долгоруких, мечтавших при Петре II породниться с императором. Поднятые на дыбу, Долгорукие признались в том, что хотели заточить Елизавету в монастырь "за непотребство", за прижитых от Шубина детей, которых Долгорукие видели. По этому признанию историки сделали вывод, что дети Елизаветы и Шубина родились в промежутке между 1728 и 1730 годами. Таким образом, дочь Елизаветы от Шубина, если она действительно существовала, не могла быть той женщиной, что вошла в историю как "княжна Тараканова" — в 1775 году, когда последняя находилась в крепости, ей,

по ее собственному признанию, было двадцать три года, тогда как человеку, рожденному, скажем, в 1730 году, в 1775-м исполнилось бы сорок пять.

…Итак, мы выяснили, что у Елизаветы в молодости был роман с гвардейцем Шубиным, и хотя от этой связи у цесаревны родились дети, они не могли стать законными, поскольку отношения родителей не были освящены церковью…».

Но могли ли играть эти дети какую-либо роль в истории с ссылкой Шубина, когда сама Анна периодически рожала от Бирона, не видя в том большого греха? Судя по тому, что рассказывает князь Петр Долгоруков в своих «Записках» о нравах при дворе Анны Иоанновны, состояние откровенного блуда было в той дворцовой среде более чем нормой… И царевна Елизавета Петровна мало чем отличалась от своей двоюродной сестры — может быть только тем, что ей чаще приходилось менять своих фаворитов, но в том была не ее вина — то юный Петр II, надеясь на взаимность, отправил на Украину своего соперника Александра Бутурлина, бывшего денщика Петра I, то Анна Иоанновна насильно женила гвардейца Шубина на камчадалке…

Была ли случайной связь Шубина и царевны Елизаветы? Историки теряются в догадках. Как и запутываются в объяснениях появления гвардейца Шубина в Александровской слободе, где он исполнял непонятно какие обязанности — то он был обозначен в дворовом штате царевны пажом, то его называли ординарцем, то он был казначеем…



СЕРОВ В. А.,
Петр II и цесаревна Елизавета на псовой охоте.
Где-то рядом и Алексей Шубин

Самым последовательным и дотошным исследователем истории жизни Алексея Яковлевича Шубина является его прямой потомок по линии младшего сына Шубина — Ивана Алексеевича, владимирский краевед, историк Виктория Боравская:

«Сведения о Шубине стали известны благодаря историко-краеведческим трудам нашего земляка Николая Семеновича Стромилова. В своем сочинении "Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской Слободе" Стромилов о Шубине пишет следующее: "Верстах в 6-ти от Слободы, в сельце Курганихе, как повествует предание, цесаревна имела свои хоромы для приезда, а около них охотный двор — большую псарню; на этом месте теперь, по сказанию старожилов, пашня; при сельце этом есть роща Волчья (Волковойня), где жили и выли волки, и Елизавета езжала на травлю их… Сельцо Курганиха значилось принадлежащим в 70-х годах XVIII века гвардии капитану Ивану Алексеевичу Шубину, именно сыну известного любимца цесаревны Елизаветы Петровны Алексея Яковлевича Шубина; вероятно, Курганиха была его родовая вотчина. Из документов следует, что Шубин был сын бедного помещика Владимирской губернии из окрестностей Александровой Слободы. Именно благодаря Шубину Елизавета познакомилась с нашей местностью и очень полюбила ее. Шубин, служа при Елизавете, был не только 'оберегателем ее скудной казны, а вместе с тем и обладателем ее страстной, предавшейся ему души'". По мнению историка П. Н. Петрова, еще при жизни Екатерины I красавец прапорщик Алексей Яковлевич Шубин пользовался благосклонностью цесаревны, так было почти до конца 1731 года… Алексей Яковлевич был заядлым охотником. Компания придворных цесаревны, больших любителей охоты, часто предавалась этому азартному увлечению в окрестностях усадьбы Шубина Курганихи. По воспоминаниям современников, цесаревна любила "травить зайцев", предпочитая это невинное удовольствие всем прочим охотничьим вкусам.

Охота устраивалась и в соседних со Слободой местностях: в угодьях Ивана Федоровича Ромодановского (окрестности села Рюминского), в землях Алексея Васильевича Макарова (окрестности села Жилино) и на землях Ивана Ивановича Бутурлина (окрестности села Крутец). Здесь отдыхали или пребывали в ссылке бывшие "птенцы гнезда Петрова"».

Странно. Ведь в действительности было не совсем так или совсем не так: Шубины НИКОГДА не были бедными владимирскими помещиками. Точнее, они никогда не владели поместьями во владимирской земле — их родовые вотчины были под Ярославлем.

Это обнаружила журналист из газеты «Известия» Елена Обухова, которая работала над книгой о дворянах Шубиных и прислала часть этих ярославских материалов Виктории Владимировне, а та, в свою очередь, познакомила с ними меня: «*…В 1719 г. в общем (владении) с братом Иваном в Шагоцкой вол. Пошех. у. д. мал. Сартово*». То есть вотчина Шубина (точнее, приданое его матери — Фетиньи Васильевны Тарбеевой) была в Пошехонском уезде Ярославской губернии — Шагоцкая волость, деревня Малое Сартово.

Итак, одной загадкой становится все-таки меньше.

По данным «Родословной книги Ярославской губернии» Алексей Яковлевич Шубин в «1721 г. поступил солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк». Эти данные расходятся с материалами из «Истории Семеновского гвардейского полка», которые мы приводили выше: «*Поступив "по определению" генерал майора Дмитриева Мамонова 26 февраля 1724 года в Семеновский полк из "дворянских детей", он был определен в гренадерскую роту гренадером*».

Разница в три года. Но прежде всего обращает на себя внимание все-таки другое: Шубина определяет в гренадеры генерал-майор Дмитриев-Мамонов. Не знаю, почему историки не обратили внимание на эту деталь. Именно в 1724 году

генерал-майор Иван Ильич Старший Дмитриев-Мамонов с согласия царя Петра I сочетался морганатическим браком с царевной Прасковьей Иоанновной, дочерью царя Ивана Алексеевича, родной сестрой будущей императрицы Анны Иоанновны и племянницей самого Петра I.



Царевна Прасковья Иоанновна

Некоторые исследователи пишут, что этот брак был тайным. Тайными, естественно, были какое-то время отношения между тридцатилетней Прасковьей Иоанновна и любимцем ее дяди, генералом Дмитриевым-Мамоновым. Но эта тайна (Кедров Н. Приключение с племянницей Петра Великого царевною Прасковьею Иоанновной // Русский архив, 1887. Кн. 3. Вып. 10. С. 180–181) была раскрыта в октябре 1724 года, когда Прасковья Иоанновна родила от генерала сына.

Биография Мамонова впечатляет:

«Дмитриев-Мамонов Иван Ильич Большой (1680–1730.05.24, †Москва, Донск. м-рь) Сын стольника И. М. Дмитриева-Мамонова (ум. 22 февраля 1725 г.). Был в стольниках, служил в Семеновской потешной роте, затем в Семеновском полку. С 1700 поручик. Участник основных кампаний Северной войны, Прутского и Персидского походов. Ранен в сражении под Нарвой 19 ноября 1700. В 1701 произведен в капитаны. Дважды ранен при штурме Нарвы 9 августа 1704. В 1708 за участие в битве при Лесной произведен в майоры Семеновского полка. С 9 декабря 1717 по 1723 возглавлял следственную канцелярию. С 1718 бригадир, с 28 января 1722 генерал-майор. Принимал участие в работе комиссии по составлению Табели о рангах. Во время Персидского похода, командуя авангардом экспедиционного корпуса, 26 августа 1722 занял Дербент. С 9 января 1723 по февраль 1726 судья Вышнего суда. В 1724 произведен в поручики новоучрежденной Кавалергардской роты. В 1724 (?) вступил в морганатический брак с царевной Прасковьей Ивановной, младшей дочерью царя Ивана Алексеевича. 21 мая 1725 в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Св. Александра Невского. С 8 февраля 1726 сенатор. 28 марта 1727 назначен в комиссию по рассмотрению окладов и расходов воинских коллегий. 7 мая 1727 произведен в подполковники Преображенского полка. 4 марта 1730 вновь определен к присутствию в Сенате. 28 марта

того же года произведен в генерал-аншефы. Скоропостижно скончался 24 мая 1730 на пути в подмосковное с. Измайлово (добавим — сопровождая Анну Иоанновну — С.В.). 1) ~1723 ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА РОМАНОВА (24.9/1695.10.04–8/1731.11.19) 2) Евдокия Степановна Плещеева [Серов Д. Администрация Петра I. М.,2007]

Николай Кедров добавляет: «*Что касается личности генерал-майора Ивана Ильича Мамонова-Дмитриева, то известно, что он пользовался безусловным доверием Петра Великого и председательствовал в суде над бароном Шафировым. Вскоре после смерти Преобразователя, по восшествии на престол императрицы Екатерины, Мамонов послан был в Москву для отобрания присяги новой Императрице от расположенных здесь войск*».

То есть Иван Ильич был фигурой весьма крупной на политическом олимпе империи.

Но вот и новые подробности из «Русского биографического словаря»: «*В короткое царствование Петра II-го для Прасковьи Иоанновны образуется особый "двор", и она пользуется на свое прожитье весьма значительными по тому времени субсидиями из государственной казны: так, в 1728 г. на содержание ее двора отпускается из казны 12 тысяч рублей в год, а через год это содержание достигает 17 тысяч. В 1728 г. Прасковье Иоанновне был пожалован в Москве дом, из принадлежавших кн. Меньшикову и отписанных после его опалы в казну. При воцарении сестры, Анны Иоанновны, материальное положение царевны еще более улучшается*».

И возникает естественный вопрос: когда и где смог Иван Ильич заприметить «бедного помещика» Алексея Шубина? И не просто заприметить — а ввести его в команду «птенцов гнезда Петрова», которые, как отмечал владимирский историк-краевед Николай Семенович Стромилов, проживали, будучи на отдыхе или в ссылке, в своих владимирских

вотчинах, предаваясь любимому занятию «дщери Петра Великого» — охоте: «*в угодьях Ивана Федоровича Ромодановского (окрестности села Рюминского), в землях Алексея Васильевича Макарова (окрестности села Жилино) и на землях Ивана Ивановича Бутурлина (окрестности села Крутец)…*»

Поэтому для нас очень важны все подробности появления ярославского помещика Шубина во владимирских землях. И среди них есть одна деталь, которая никем еще не исследована и не раскрыта: согласно родословным книгам, у Ивана Яковлевича Шубина до встречи с Елизаветой Петровной был собственный сын Алексей Алексеевич (ноябрь 1724–6 июля 1794), рожденный в законном браке, так как впоследствии полковник Алексей Шубин вступил в отцовское наследство на равных с младшим братом Иваном правах, но при этом о самом этом браке, что очень странно, нет нигде никаких упоминаний и неизвестно, кто была первая избранница нашего героя.

«*В Бархатной книге,* — пишет Виктория Боравская, — *упоминается, что Шубин 28 мая 1729 года купил у вдовы Степана Степановича Колычева Марфы имение. Оно не названо. Но по времени получается, что это и была деревня Курганиха, расположенная рядом с Александровой Слободой, и соседняя с ней деревня Струнино, упомянутая в Бархатной книге. Если куплена была именно Курганиха, то она до 1729 года не была родовой вотчиной Шубиных во Владимирской губернии*». И далее она задается закономерным вопросом: «*Кто такие были Колычевы? Наши краеведы и любознательные жители хорошо знают историю московского митрополита Филиппа II, урожденного Колычева. Род Колычевых издавна владел вотчинами на нашей земле. Об этом подробно писал Л. С. Строганов. Но упоминания о принадлежности Курганихи Колычевым нигде не встречалось. Она могла принадлежать им, когда село Каринское с прилегающими к нему деревеньками было центром митрополичьей*

волости, следовательно, во времена митрополита Филиппа Колычева частью деревень могли владеть его родственники. При устранении Филиппа Иваном Грозным Каринское стало дворцовым селом, а деревеньки могли остаться за Колычевыми. Но это только версия. В азбучном указателе имен русских деятелей для "Русского биографического словаря" (часть 1) из Колычевых начала XVIII века упомянуты два Степана: Степан Петрович, вице–губернатор, 1716 г., заведовал Потешною конторою, и Степан Степанович, камергер, вице-президент Придворной конторы, 1796 год. Второй не подходит, так как был жив-здоров в 1729 г. Мог быть и третий Ст. Ст. Колычев, просто не упомянутый в словаре, как простой, а не выдающийся русский человек. Но это уже попутный интерес».

Но этот «попутный интерес» никак не давал покоя шубинскому потомку — Виктории Владимировне Боравской, которая, вероятно, всем сердцем ощущала и искала здесь какую-то незримую родовую связь.

Вот ее выписки, которые только на первый взгляд кажутся не связанными между собой.

О КОЛЫЧЕВЫХ

История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв.
Вып. 8. М., 1994.
Стр. 11. Новобрехово

История этого небольшого селения в Одинцовском районе уходит в начало XVII в., когда писцовое описание 1627 г. фиксирует на речке Незнании сельцо Брехово, Тишинино тож, — вотчину Якова Тимофеевича Витовтова. Здесь тогда находился двор вотчинника, где жили «деловые люди» и двор бобыльский (7 человек). Перепись 1646 г. застает в сельце 5 дворов «задворных людей» (22 человека). В 1656 г. Яков Тимофеевич Витовтов отдал его в качестве приданого своему зятю Андрею Ивановичу Колычеву. При нем в Брехове, Тишинине тож, в 1678 г. значилась усадьба с 5 людьми. После Андрея Ивановича сельцо досталось его сыну Степану. СТЕПАН Андреевич Колычев родился около 1660 г. и прожил довольно интересную жизнь. В 1697 г., когда ему было уже за 30 с лишком, Петр I отправляет его за границу «для обучения наук воинских дел». По возвращении он жалуется званием ближнего стольника и в 1702 г. был определен капитаном Семеновского полка. Затем, вследствие раны, полученной под Нарвой, он оставляет военное поприще и переходит на гражданскую службу: назначается вице-губернатором воронежским и азовским, заведует корабельными и крепостными делами, является главным комиссаром разграничения границ с Китаем, состоит президентом Юстиц-коллегии. Любопытно, что он исполнял и должность герольдмейстера и на этом посту положил начало русской геральдике (науке о гербах). Колычев находился в довольно оживленной переписке с Петром I, которая была издана

в конце XVIII в. При нем в Брехове в 1709 г. была построена деревянная Воскресенская церковь и сельцо стало называться селом Бреховым, Воскресенским тож. После Степана Андреевича селом владел его сын Петр Степанович, который в 1761 г. продал Брехово Андреяну Ивановичу Татаринову.

Н. С. Стромилов. Село Крутец в Александровском уезде. «Летопись земли Александровской. Часть 2-я. По материалам публикаций XIX в. г. Александров, 2005. г.

Стр. 188. Петр Сергеевич Бутурлин был сыном младшего сына И. И. Бутурлина, капитана Сергея Ивановича (умер 1772), от второй жены последнего — Татьяны Андреевны КОЛЫЧЕВОЙ (7 янв. 1725–2 апр. 1786 г.).

(Мы выяснили — Степан Андреевич и Татьяна Андреевна Колычевы имели разных отцов, но были в близкородственных отношениях и по этой линии, и по линии Бутурлиных: Степан Андреевич Колычев (около 1660 или 1674/79 — ум. 1735), комнатный стольник при царе Иоанне Алексеевиче, ближний стольник, капитан л. — гв. Семеновского полка, воронежский вице-губернатор, азовский обер-комендант и генерал-герольдмейстер при Петре I, его первая жена Евдокия Петровна Бутурлина (ум. 1712) — старшая дочь окольничего Петра Васильевича Бутурлина и Анисьи Михайловны Самариной. От неё сын Петр. От второго брака — сыновья Алексей и Степан.)



Внук Степана Андреевича Колычева —
Степан Алексеевич, вице-канцлер Российской империи

Удивительное дело, но село с таким же точно названием — Крутьцы — было и в Ярославском уезде, а владельцами его и были как раз те самые… Колычевы: «*Переписная книга 1710 года Верховского стана Ярославского уезда: Сказки, поданные переписчику стольнику Афонасию Андреевичу Винценгазину: В сельце Крутьце двор помещицын в нем помещик прапорщик Степан Иванов сын Колычев 38 лет у него жена Марфа Михайлова дочь 38 лет дети сын Степан 3 лет дочери девки Анна 14 Овдотья 12 Анна Меньшая 9 Маремьяна 7 лет … За прапорщиком Степаном Ивановым сыном Колычевым в поместье в сельце Крутце двор помещиков в нем служилых людей … а помещик ево служил в прапорщиках в генеральстве генерала князя Никиты Ивановича Репнина в Бутырском полку и за болезнию руки от службы отставлен и был ныне в Ярославле у набору рекрут а живет домом своим в Ярославском уезде у него сын Степан 3 лет*».

А вот и данные о самом Степане Ивановиче: «*Степан Иванович Колычев-Хлызнев (168? — ум. до 1722) (XIV колено) — прапорщик, сын Ивана Семеновича Колычева и племянник Василия Семеновича Колычева; женат на Марфе Михайловне N.*».

Безусловно, это каким-то образом все связано между собой: и вдова Марфа Колычева, и ее покойный муж Степан, и их сын Степан Степанович, — молодой хозяин, который по какой-то причине еще не вступил в наследство, и купчую оформляет его мать-вдова, и имение, находящееся в Ярославском уезде, откуда родом сам Алексей Шубин и, возможно, его сын, Алексей Алексеевич, и первая жена Алексея Яковлевича, имя которой почему-то до сих пор остается неизвестным, и Крутьцы во Владимирской губернии также со своими Колычевыми…

И вот еще одна интереснейшая деталь, которая обращает на себя внимание: в Тайной канцелярии в 1722–1724 годах рассматривалось дело азовского вице-губернатора. Степана

Андреевича Колычева. Нет, дело вел не Мамонов-Дмитриев, а Семен Салтыков. Обвинялся Степан Андреевич в казнокрадстве. Статья обвинения в то время очень серьезная: 24 декабря 1714 года самодержец издал свой знаменитый указ, где говорилось: «Понеже многие лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены, и прочие тому подобные дела, которые уже наружу вышли… того ради запрещается всем чинам, которые у дел приставлены, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслами… тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертию казнен будет…»

Но делу не дали хода. Спрашивается, мог ли генерал Мамонов, самое доверенное лицо царя Петра в Тайной канцелярии, иметь к этому какое-либо отношение? Вероятность очень высокая… Тем более, что Степан Андреевич Колычев (ок. 1660–1735) был капитаном того же Семеновского полка (1702), что и Дмитриев-Мамонов. В 1722 году Колычев был назначен главой Герольдмейстерской конторы, затем президентом Юстиц-коллегии. При Екатерине I он был генерал-рекетмейстером при Сенате. Первым браком он был женат на Евдокии Петровне Бутурлиной. Вторым — на Евдокии Андреевне Полевой (ум. 1750), дочери последнего князя Бельского (из Рюриковичей). Его внук — Степан Алексеевич — будет вице-канцлером Российской империи.

И еще — если углубиться в историю, имея представления о крепчайших местнических связях боярства во Владимиро-Суздальском, впоследствии Московском, великом княжестве, откуда есть пошла Русская земля, и удельных русских княжествах, где также правили Рюриковичи, то возникает прелюбопытная картина: оказывается, бояре Колычевы и Рюриковичи-Нетшичи (откуда происходит род Дмитриевых-Мамоновых) связаны издревле.

Историки дают нам положительный ответ на вопрос: могли ли в историческом прошлом России быть объединены в одну политическую силу боярские кланы Колычевых (исторической альтернативы Романовых) и Нетшичей — потомков великого князя Владимира Мономаха?

Да, это произошло еще в XV столетии в Верейско-Белозерском уделе князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича: «*С Можайском и Вереей были связаны Нетшичи и Колычевы, роль которых при дворе Андрея Дмитриевича … была значительной*». И не просто значительной — одним из наместников Вереи был Григорий Федорович Ворона Колычев, а Нетшичи — Андрей Дмитриевич и Василий Андреевич Виселица (от него Мамоновы, Дмитриевы и Внуковы) входили в ближний боярский круг удельных Верейско-Белозерских князей. Примерно в это же время на исторической арене в Верейско-Белозерском княжестве появляются и бояре Степановы, о которых также пойдет речь в серии наших книг «Камчатские ссыльные» («*Григорий Степанов был сыном боярским князя Михаила Андреевича. Между 1448 и 1470 годами он дал в Кириллов монастырь по душе своих родителей пожню у Белоозера. В 1484 году князь Михаил Андреевич пожаловал Григорию вотчину в Вашпане*»).

А вот и еще информация из того же источника: «*В удел князя Андрея Ивановича Старицкого* (против сына которого и была направлена вся мощь Ордена кромешников — С. В.) *входила Верея. Кроме Бориса Ивановича, в Старицком уделе служило еще несколько Колычевых*». «*С Верейским уделом связан еще один княжеский род — князей Косицких, происхождение которых неясно. В середине XV в. Косицкие жили в Верейском уезде и были близкими родственниками Федора Ивановича Неплюя* (троюродный брат А. Г. Колычева). *“И взяли, господине, его дяди его Косицкие князи, да тамо вскормили его — в Вереи” (АСЭИ. Т. I. № 410). В Верейском уезде был Косицкий стан (ДДГ. № 103); о том, владели ли*

названные князья всем станом или нет, говорить затруднительно. Но Косицкие (и их ветвь — Секирины [из числа которых тоже были камчатские ссыльные — С. В.]) *являлись при Михаиле Андреевиче верейскими вотчинниками, тогда же они потеряли княжеский титул (АСЭИ. Т. III. № 393а, 394, 395). В XVI в. они уже служили по Можайску, Звенигороду и Новгороду» (Двор Верейско-Белозерских князей в 1389–1486 годах, Грязнов А. Л.).*

Напомним, что Нетшичи — это те же Рюриковичи, потомки великого князя Владимира Мономаха, по крайней мере так утверждала императрица Екатерина II, когда составляла родословную своему фавориту, Александру Матвеевичу Дмитриеву-Мамонову, а она бы не стала лукавить.

Для справки: его отец, М. В. Мамонов и генерал А. А. Загряжский были женаты на родных сестрах Боборыкиных (однородцах царей Романовых и бояр Колычевых — С. В.), ***а Загряжский приходился двоюродным братом матери Г. А. Потёмкин. Благодаря этим связям Александр с детства был записан на службу в Измайловский полк и в 1784 году назначен адъютантом к Потемкину. Впоследствии граф Римской, а затем и Российской империи.***

Отец Виселицы — «Андрей Дмитриевич (из потомков Нетши), боярин Ивана Андреевича Можайского, был в 1442/43 году вместе с семьей "пойман" своим князем, поэтому сыновья Андрея Дмитриевича перешли в стан противников Шемяки. У Василия Виселицы было два брата, которые служили великому князю; младший — Григорий Мамон — стал фаворитом Ивана III и впоследствии получил чин окольничего. …старший сын Василия, Семен Виселицын, в 1482 и 1520, 1524 и 1525 годах был наместником трети Московской».

«От князя Мономаха, — пишет С. А. Тихомиров в статье «Графы Дмитриевы-Мамоновы и их владения в Устюженском уезде», — *пошло несколько поколений: Мстислав Великий — Ростислав — Давыд — Мстислав — Ростислав —*

Константин. Константин Ростиславович имел небольшой удел в Смоленском княжестве. В 1350 году у него родился сын Юрий. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона именно он назван родоначальником Мамоновых. Отцовские владения переходят ему в наследство, а внук Константина, сын Юрия — Александр — растрачивает их в течение некоторого времени. За это в истории его нарекают "Нетшей". Позднее еще одно поколение его потомков будет носить фамилию Нетшиных: Иван Александрович, Дмитрий Александрович и Семен Александрович.

От Дмитрия Александровича пошли Дмитриевы, наиболее разветвленная фамилия этого рода. В целом по России, как показывают Брокгауз и Ефрон, было более пятидесяти родов Дмитриевых, дальних родственников этой фамилии. Двое сыновей Дмитрия Александровича стали в своей жизни большими государственными мужами. Андрей и Иван имели чин бояр у князей Семена Ивановича и Василия Васильевича Темного. О Михаиле нам ничего неизвестно, а Семен Дмитриевич скончался иноком в одном из центральных монастырей.

С боярскими именами Дмитриевых связана фамилия Мамоновых. Она пошла от сына Андрея Дмитриевича, Григория, который получил прозвище "Мамон". С. Б. Веселовский в своей работе "Ономастикон" упоминает его. В 1484 году он находился на службе у великого князя Ивана IV (III — С. В.) *Васильевича. Его прозвище переводят с греческого как "пожитки", "богатство", а "Толковый словарь" В. И. Даля указывает на такие слова, как "брюхо", "обжора". Сын Григория Андреевича Мамонова, Иван стал талантливым дипломатом, был послом князя Ивана Васильевича в Крыму. Его фамилию мы встречаем в справочнике В. И. Саввы "Дьяки и подьячие посольского приказа в XVI веке". Другая ветвь фамилии Дмитриевых связана с именем брата Андрея Дмитриевича Ивана. Его сыну Дмитрию, также как и Григорию Мамону, дарован был Иваном Грозным чин окольничего.*

Несколько следующих поколений этого рода служили воеводами. Имя Самсона Григорьевича мы находим в боярских списках 1577 года. Он, как дворянин, — на службе при дворе. Михаил Самсонович — в списках 1598–1599 годов, 1606–1607 годов. Также он упоминается в "Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году". Михаил Самсонович участвовал в выборах на престол Михаила Федоровича Романова, был "Большим дворянином", служил воеводой и являлся Звенигородским наместником. В 1617 году его настигла смерть в бою с казаками, а до этого он помогал князю Пожарскому собирать ополчение против поляков и литвы. Воевода имел свои владения в Вологодском уезде… Сын Михаила Самсоновича Михаил Михайлович явился последним представителем этой ветви Дмитриевых. Его сыновья стали в 1688 году обладателями двойной фамилии Дмитриевых-Мамоновых. Это произошло потому, что роды Нетшиных, Мамоновых и Даниловых на протяжении XIV–XVI веков несколько раз пересекались и роднились с Дмитриевыми. На основе этого государева жалованная грамота разрешила им писаться "двойным прозванием"».

И еще интересная информация для любителей камчатской истории: Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов (ум. 1793) — адмирал, жена — Грушецкая, дочь боярина и стольника Михаила Фокича Грушецкого.

Их дети: Матвей (1724–1810) — сенатор, тайный советник, президент Вотчинной коллегии, владел участком в районе нынешнего Мамоновского (Мамонова) переулка, Елена (1716 — ок. 1744) и Екатерина. Елена Васильевна замужем за графом Александром Григорьевичем Строгановым (02.11.1698, ум. 07.11.1754), похоронена в церкви во имя Святителя Ник. Чудотв. в Котельниках в Москве. Екатерина Васильевна вышла замуж за Ивана Андреевича Фонвизина — их дети: Денис Иванович Фонвизин (р. между 1743 и 1745, ум. 1792) — легендарный драматург, Павел Иванович

(ум. 1803) — пятый директор Московского университета (1784–1796), и Феодосия Ивановна, которая вышла замуж за премьер-майора Василия Алексеевича Аргамакова, сына Алексея Михайловича Аргамакова (1711–1757) — первого директора Московского университета (1755–1757).

Матвей Васильевич Дмитриев-Мамонов (1724–1810) (сын Василия Афанасьевича и Грушецкой) был правителем Смоленского наместничества и сенатором. О сыне его Александре, фаворите императрицы Екатерины II, — сообщалось выше.

Судя по этой исторической справке, Дмитриевы-Мамоновы находились в непосредственном родстве и с потомками камчатской княгини Евдокии Ивановны Голицыной (Бужениновой). Вот как тесен мир…

Михаил Михайлович Дмитриев-Мамонов, сын Михаила Самсоновича, был родным дедом Ивана Ильича. Весьма любопытен факт, что о жизни Михаила Самсоновича, сподвижника Освободителя России, в официальной истории всего несколько строк: «*Дмитриев-Мамонов Михаил Самсонович (? — 1617). Был в числе доблестных сподвижников кн. Пожарского. При Михаиле Федоровиче был послан с войском против черкес и пал в битве с ними в 1617 году*». Так Романовы и ближние к нему бояре Салтыковы и Пушкины избавлялись от ближнего круга сподвижников князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

В истории Отечественной войны 1812 года есть любопытный факт, связанный с Мамоновыми: под стягом Дмитрия Пожарского, которое являлось семейной реликвией Мамоновых-Дмитриевых, сражался первый казачий графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова полк, сформированный на средства графа. Этот полк принял участие в Бородинском сражении и дошел до Франции. «*Дальнейшая судьба М. А. Дмитрия-Мамонова сложилась трагически. Его участие в масонском и декабристском движениях, вспыльчивый характер и вольнодумство привели к тому,*

что его объявили психически неполноценным и держали под строгой опекой в имении до конца жизни».

И вот еще: «*Мамонов стал сочинять пародийные указы, оспаривая права Романовых на престол и подписывая свои бумаги титулами родовитых предков или просто: "Владимир Мономах". Николая I такие шутки вывели из себя. Имущество графа передали под опеку, а самого Матвея Александровича держали под стражей. Героя войны 1812 года, награжденного золотым оружием "За храбрость", объявили сумасшедшим*».

То есть из поколения в поколение Дмитриевы-Мамоновы передают святыню — знамя Дмитрия Пожарского, которое является семейной реликвией потомков Владимира Мономаха. И из поколения в поколение передается их семейная ненависть к Романовым, узурпировавшим государственную власть в Российской империи.

Любовь к Отечеству и ненависть к Романовым — это то, что ВСЕГДА объединяло с Мамоновыми и Колычевых.

При Петре I Иван Ильич Дмитриев-Мамонов был следователем по особо важным делам, которому император БЕЗОГОВОРОЧНО доверял. Дела Отечества были для Мамоновых святы. Но и брак с Прасковьей Иоанновной Романовой был своего рода вызовом — прямым намеком на родовые права Рюриковичей, попранные в родном Отечестве. И, кстати, царь Петр дал согласие на этот брак.

А Колычевы были смертельными врагами Романовых на протяжении столетий — и беспощадно уничтожали друг друга. Хотя происходили от одного корня — Колычевы также были потомками боярина великого князя Дмитрия Донского, Андрея Кобылы, как и Романовы.

Вот, например, что сообщается о Колычевых-Хлызневых, у которых Шубин приобрел в 1729 году родовое имение: «Хлызневы-Колычовы — ветвь дворянской фамилии

Колычовых, родоначальник — Борис Александрович, внук Григория Федоровича Колычова по прозванию Хлызень. Фамилия редкая, и по словосочетанию, и по встречам с нею на страницах исторических источников. Единственная встреча — в Походном списке двора Ивана III в 1495 г. Известно также, что семья Хлызневых издавна служила при дворе Старицких князей. Сын Бориса Александровича — Иван Борисович начал службу в 30-х гг. XVI века в уделе при князе Старицком А. И. Он упомянут на свадьбе князя Андрея в 1533 г. (ходил с изголовьем), деятельно участвовал в "мятеже" 1537 г., командует арьергардом в армии Старицкого князя ("задними сторожами"). В 1558 г. он уже командует всеми удельными войсками в войне с татарами. Незадолго до 1562 г. Иван Борисович был "отведён" из удела и определён на службу в Государев двор. В Полоцком походе царских войск он голова в царском стане и носит чин спальника. Его сын Борис Иванович служил есаулом и имел чин стольника. В Синодике опальных царя Ивана Грозного упомянуты Иван Борисович, Иван Иванович, брат Бориса Ивановича. Племянник Ивана Борисовича — Борис Н. не числился в царских Разрядах и дворцовых списках и, значит, оставался на службе в уделе Старицких, что бросило тень на князя. Возможно, фамилия после репрессий Ивана Грозного существовала недолго, и род пресекся или измельчал. А то и потерял первую части фамилии. Если так, то потомков нужно искать среди Колычовых».

Видите, как мало случайного в возможном союзе Колычевых и Дмитриевых-Мамоновых в выборе своего доверенного лица при царевне.

Но это далеко еще не все…

В числе тех людей, которые составляли вокруг Александровской слободы» «гнездо птенцов Петровых», о которых упоминает Виктория Боравская, мы находим и Ивана Федоровича

Ромодановского (из числа все тех же верейско-белозерских бояр, что и Колычевы с Нетшичами, которых, безусловно, связывали прежние местнические, а значит и родственные, отношения той далекой эпохи — и действительно, мы находим этому историческое подтверждение: князь Дмитрий Иванович Ромодановский в 1543 году был женат на Ксении Григорьевне Колычевой, дочери боярина царя Ивана Грозного).

В Опричные времена, когда, как утверждал князь Андрей Курбский, уничтожался на корню род Колычевых, князья Стародубские (Пожарские, Гагарины, Ромодановские) были сосланы в Казань. Многие из них оттуда уже никогда не вернулись… Если внимательно посмотреть поколенную роспись рода Ромодановских того времени, то она, как и поколенная роспись рода Колычевых, пестрит пометками «бездетен» — то есть конкретный представитель рода был уничтожен опричниками до того, как произвел на свет наследника…

В Смутное время из Ромодановских выделился князь Григорий Петрович — боярин и воевода. В 1606 году он принял участие в заговоре против Лжедмитрия I. В 1608 году он вместе с князем Воротынским командовал войсками, защищавшими Москву от тушинцев; затем, преследуя гетмана Сапегу, одержал над ним победу около села Воздвиженского: в этой битве он лишился сына. В 1609 году был отправлен воеводой в Каширу, жители которой принудили его присягнуть Лжедмитрию II. После свержения царя Василия Шуйского Григорий Петрович принял сторону королевича Владислава и по поручению бояр вел переговоры с поляками. В 1613 году подписался под грамотой об избрании на царство Михаила Федоровича. Умер в 1628 году.

Позже князья Ромодановские — потомки Григория Петровича — верою и правдою служили Царю и Отечеству — двое из Ромодановских отдали жизнь за Петра Романова во время знаменитого стрелецкого бунта 1682 года…



Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский

Федор Юрьевич Ромодановский, «князь-кесарь», руководивший Преображенским приказом, был человеком, которому Петр I доверял безоговорочно, как и Мамонову. Князь Петр Долгоруков пишет в своих «Записках»: *«В начале XVIII века среди княжеских семей, ведущих свое происхождение от Рюрика, никто не мог сравниться по могуществу и общественному положению с князьями Ромодановскими. Младшая отрасль одной из младших ветвей дома Рюрика, отрасль князей Стародубских, получила свое имя в пятнадцатом веке от поместья Ромоданово (в нынешней Владимирской губернии), но до семнадцатого века Ромодановские не играли никакой заметной роли. Они обязаны началом своего политического возвышения князю Григорию Петровичу Ромодановскому, человеку умному и хитрому. Заметив, что царь Борис Годунов относится враждебно к старинным княжеским домам, он сумел завоевать его благорасположение, женив третьего из своих восьми сыновей на дочери боярина Матвея Михайловича Годунова, хотя и дальнего царского родственника (они были четвероюродными братьями), но очень привечаемого царем и влиятельного при дворе. По восшествии на престол Лжедмитрия, он сумел завоевать и его доверие, и был назначен окольничим; по восшествии же на престол Михаила Романова он вошел в доверие юного государя и в 1616 году был пожалован в бояре. После возвращения из Польши почтенного старца Филарета, к ссылке и разорению которого при Годунове он отнесся одобрительно, Григорий Ромодановский завоевал расположение и патриарха; он умер в 1628 году, пользуясь вполне реальной властью. Восемь его сыновей, трое племянников, шестеро внуков и внучатый племянник продолжали ту же политику и продвигались вперед; они служили царю и исполняли все, что бы им ни приказывали, предоставляя в распоряжение правительства наследственную свою жестокость; поэтому-то во время стрелецкого бунта 15 мая*

1682 года восставшие убили двух попавшихся им под руку Ромодановских и сожалели, что не могли истребить всю семью.

Когда же царь Алексей создавал под Москвой, в селе Преображенском, государев Тайный приказ с его многочисленными подземными темницами и со всем его пыточным арсеналом, то руководство им доверено было младшему из племянников Григория, князю Ивану Ивановичу Ромодановскому, и фактически стало делом наследственным для его семьи. Его сын, а в особенности его внук, князь Федор Юрьевич, прославились своей неумолимой жестокостью и поспешностью в исполнении всех царских приказов.

…Князь Федор («князь-папа и Его Кесарьское Величество» — С. В.) *умер семидесятилетним старцем в сентябре 1717 года, за несколько месяцев до начала страшного дознания по делу царевича Алексея, в котором был замешан его собственный зять Авраам Лопухин, брат несчастной царицы Евдокии, женатый первым браком на княгине Федосье, дочери князя Федора. Лопухина подвергли страшным пыткам и обезглавили.*

После смерти князя Федора Тайная канцелярия была отдана под управление графа Толстого и генерала Ушакова, а в 1719 году переведена в Петербург; ее отделение оставалось еще в Москве, в доме на углу Мясницкой улицы и площади Лубянка, который существует еще и сегодня. Это отделение оставалось под руководством единственного сына князя Федора, князя Ивана, наследника отцовского богатства, состоявшего из двадцати тысяч крепостных крестьян и, сверх того, из замечательных земель, подаренных царем Алексеем деду князя Федора.

Петр I передал титулы князь-папы и Его Кесарьского Величества князю Ивану… Он женился на одной из Салтыковых, сестре царицы Прасковьи (жене царя Ивана Алексеевича и приходился Анне Иоанновне и Прасковье Иоанновне дядей — С. В.)».

То есть князь Иван Федорович Ромодановский был прямым родственником Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову.

И его положение у трона было не совсем понятным после смерти Петра — в Табели о рангах не было чина «папы-кесаря», и он получил от Екатерины всего лишь чин тайного советника, хотя его отец был фактическим правителем России, когда царь Петр Алексеевич изволил заниматься другими делами или бывать за границей. То есть государственный статус князя Ромодановского в значительной степени снизился, что сближало его с другими «охотниками», также потерявшими или вообще утратившими свой былой государственный статус.

Вот что сообщают историки о последних годах его жизни («Тайны русской аристократии», С. Шокарев).

«…Одновременно с управлением Преображенской канцелярией Иван Федорович, как и его отец, ведал многими делами, касающимися прежней столицы — Москвы. В 1719–1724 гг. он был "главным начальником" Москвы, во главе которой находились вице-губернаторы И. Л. Войков и П. И. Вельяминов-Зернов. В указе Верховного Тайного совета от 8 мая 1727 г. на князя Ивана Федоровича были возложены обязанности московского губернатора. На время управления Ромодановским Москвой к ней вновь переходит значение столицы.

6 мая 1727 г. скончалась императрица Екатерина I. Ромодановский начал свое вступление в должность губернатора с приведения москвичей к присяге новому губернатору — Петру II, внуку Петра I и сыну несчастного царевича Алексея. В феврале 1728 г. юный государь в сопровождении двора прибыл в Москву для коронации. Московская жизнь увлекла Петра II, и он не торопился возвращаться в Петербург, проводя время в охотах в подмосковных угодьях, балах и иных развлечениях. Все управление государством сосредоточилось в старой столице. Ромодановский к тому времени уже достиг преклонного возраста, его одолевали различные

болезни. Князю было трудно ужиться в кипящем водовороте государственных дел и придворных интриг, наполнивших Москву. В 1729 г. он подал в отставку, а в следующем году скончался и был похоронен в Георгиевском монастыре на Никитской улице в Москве».

Следующий в этом списке «птенцов» Иван Иванович Бутурлин, проживавший в селе Крутьцы, вблизи Александровской слободы. Его предки, в отличие от вышеперечисленных «охотников», не пострадали во времена Опричного террора — он был из рода Радшичей, как и Пушкины, состоявших в Ордене кромешников, организовавшего Опричный террор. Но здесь, в районе Александровой слободы, его — потомка опричника — объединяла с остальными «охотниками» верность царю Петру, который доверял Бутурлину так же, как и Ромодановскому с Мамоновым, и поручил ему вести следствие по делу царевича Алексея. Бутурлин вместе со всеми остальными «охотниками» поставил свою подпись под его смертным приговором; он был назначен членом «Вышнего суда» для разбора дела и суда над бароном П. П. Шафировым (а председателем суда, если вы помните, был именно И. И. Дмитриев-Мамонов); он, командир Преображенского гвардейского полка, возвел со своими гвардейцами на российский престол жену царя Петра Екатерину I, и это его временщик Александр Меншиков впоследствии за участие в заговоре против князя Александра Даниловича лишил всех чинов и наград, сослав в деревни, а князья Долгоруковы, избавившись от Меншикова и став фаворитами императора Петра II, отобрали у Бутурлина все его деревни, оставив ему только родовое село Крутцы (Крутьцы), где он и скончался 31 декабря 1738 года, не дождавшись восшествия на престол «дщери» царя Петра — Елизаветы Петровны и, главное, — отмщения всем своим врагам. Впрочем, судьба князей Долгоруковых была еще более печальной, чем его собственная, — одни остались без головы, а другие прозябали на далекой и суровой Камчатке вместе с Шубиным.



Иван Иванович Бутурлин

И остается еще одно имя, упомянутое Викторией Боравской в числе тех, кто окружал в Александровской слободе дочь Петра I, — Алексей Васильевич Макаров, кабинет-секретарь царя Петра I, официальное доверенное лицо императора.

Оказывается, это именно ему «обязан» Степан Андреевич Колычев тем следственным делом, которое завел Семен Салтыков: *«В 1715 г. у царя родился сын Петр Петрович и внук Петр Алексеевич. В честь этого события, к которому, естественно, Макаров никакого отношения не имел, адмирал Федор Матвеевич Апраксин велел "отослать из губернеи Воронежской кабинет-секретарю Алексею Макарову в презент 2000 рублев", собрав эту сумму с губернских чиновников всех рангов, а также с купцов. Не ожидая сбора денег, Апраксин велел вице-губернатору Степану Андреевичу Колычеву выдать 2 тыс. руб. из губернских доходов, а потом погасить эту сумму собранными с воронежцев взносами. История с "презентальными деньгами" потому и оставила след в документах Сената, что подаяние воронежцев оказалось не столь щедрым, как предполагалось, и удалось собрать вместо 2 тыс. только 827 руб. Шесть лет спустя, в 1721 г., с Колычева было взыскано только процентов 586 руб. Колычев опротестовал это взыскание, мотивируя его неправомочность тем, что деньги надлежало взыскивать с тех плательщиков, по вине которых "учинилась оная доимка". Чем закончилось дело — неизвестно» (Н. Павленко. «Соратники Петра»).*

Зато известно другое — и Остерман, и Феофан Прокопович, и Анна Иоанновна, помня о былом величии личного кабинет-секретаря императора, отомстили ему, когда сами пришли к власти, за собственное свое пресмыкательство перед секретарем императора, продержав под надуманным следствием и суровым домашним арестом вплоть до самой смерти, — то есть и у Макарова были причины сблизиться со своими соседями не только на поприще одной лишь охоты.



Алексей Васильевич Макаров

Алексей Васильевич Макаров пережил своих товарищей по несчастью. Но потому и из общей чаши несчастий ему выпало испить больше других.

«3 апреля 1736 г. Алексей Васильевич подал императрице челобитную: год и пять месяцев он с семьею содержится "за крепким караулом, и пожитки не токмо мои и детей моих и платьишка, но и племянников моих, умершего брата пожитченки ж, платье и прочее тленное в нижней палате запечатаны и от сырости гниют", без писем и вотчинных документов "деревеннишки мои от посторонних разоряютца, и оправдатца без крепостей нечем". Макаров просил императрицу: "…из-за караула нас освободить, такоже и пожитченки наши распечатать, а по делу моему милостивое решение учинить".

Ответа на челобитную не последовало.

…[Вот уже и] приговор по делу…, к которому был привлечен Макаров, вынесли и привели в исполнение еще в конце 1738 г., Яков Самгин и Григорий Зворыкин после вырезания ноздрей были сосланы — первый на Камчатку, второй в Охотск. Понесли наказание и прочие подследственные. Только у одного Алексея Васильевича никаких перемен: его продолжали держать под домашним арестом, правда, несколько ослабив режим. Остается предположить, что у Остермана и императрицы были какие-то надежды привлечь Макарова к громкому процессу бывших "верховников", пытавшихся ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны еще в 1730 г. В 1739 г. подвергся мучительной казни Артемий Петрович Волынский, первым осмелившийся решительно выступить против засилья немцев при дворе и громогласно заявивший: "Государыня у нас дура". Быть может, тюремщики Макарова надеялись, что кто-либо из Долгоруковых или Голицыных либо Волынский с сообщниками под жестокими пытками назовут и его имя. Этого не случилось.

…Существует мнение, что Макаров был помилован. Оно основано на челобитной, поданной в 1741 г. сыном Алексея Васильевича Петром. В ней он писал, что по именному указу "показанной отец мой всемилостивейше освобожден, а в прошлом 740 году волею божиею умре". Однако из справки Тайной канцелярии следует, что указа "о свободе оного Макарова ис под караула" не было. В июне 1740 г., т. е. накануне смерти, Макаров подал челобитную Кабинету министров "о сотворении с ним милости", но она осталась без последствий».

Поэтому вопрос, возникший сразу после смерти Екатерины I, о том, кто будет будущей императрицей или императором, был весьма непраздным для всех этих людей. И, безусловно, существовала партия (и тайная, и явная, и иностранная, и доморощенная) поддержки Елизаветы Петровны, которая была одним из реальных кандидатов на российский престол.

И, конечно же, в окружении царевны должен был находиться свой человек, который был бы глазами и ушами людей, мечтающих быть полезными российскому трону. А на кого еще могли делать свою политическую ставку «птенцы гнезда Петрова», как не на Елизавету Петровну?

Были ли другие варианты?.. Безусловно. Их было множество. Самых неожиданных. Столь же амбициозных, как и воцарение на российском троне подобранной на поле брани солдатки. И здесь роль Прасковьи Иоанновны, родной сестры Анны Иоанновны, и ее мужа Рюриковича не может быть однозначной. Не такими уж простушками, как пишут историки, были на самом деле эти Салтычихи:

Из донесения Маньяна, французского посланника. 3 апреля 1730: «*Мне также в настоящее время сообщают, что герцогиня Макленбургская Екатерина Ивановна и сестра ее великая княжна Прасковья Ивановна тайно стараются образовать себе партию, противную их сестре*

императрице. Однако мне трудно поверить этому, ибо успешный исход невозможен, и они этим делом нанесут наибольший вред самим себе».

Возможно, вред себе они и нанесли, почему Иван Ильич неожиданно умирает 24 мая 1730, сопровождая Анну Иоанновну в Измайлово, а Прасковья Иоанновна всего полтора года спустя — 18 октября 1731 года.

И поэтому естественно, что при любом политическом раскладе Анна Иоанновна, взойдя на престол, конечно же, воспринимала Шубина как опасного политического противника — ближайшего сподвижника и фаворита Елизаветы, связанного с русской гвардией, которой Анна Иоанновна не доверяла с самого начала, создав при себе новую — Измайловский гвардейский полк — сплошь состоящую из иностранных наемников, которым она платила вдвое больше, чем русским.

И Шубин, безусловно, был ее политическим противником: Елизавету Петровну и Алексея Яковлевича связывали к тому времени не только чувства и возможные дети, но и мысли о самосохранении, а это значит — мысли о власти…

Вот что по этому поводу писал в своих «Записках» князь Петр Долгоруков: *«Петр II серьезно влюбился в Елизавету, но князь Иван Долгоруков, который замышлял брак своей сестры с императором, донес своему государю о связи Елизаветы с Бутурлиным, и последнему было приказано покинуть двор. Его произвели в генерал-майоры и отправили на Украину командовать бригадой. Император разгневался на свою молодую тетку; он не только охладел к ней; но и перестал оказывать ей почести как цесаревне и одной из самых близких своих родственниц. Елизавета избрала любовником человека менее заметного и менее известного, чем Бутурлин, принадлежавший к лучшему обществу как по своему рождению, так и по своему свойству. Новый любовник был*

малоизвестным человеком из ничем не примечательной семьи, без состояния и связей в обществе: Алексей Никифорович Шубин, солдат Семеновского полка, был сыном бедного помещика Александровского уезда нынешней Владимирской губернии. Позднее, в царствование Анны, Шубин имел неосторожность сказать вслух, что было бы разумнее возвести на трон Елизавету, а не Анну. Его схватили, отвели в Тайную канцелярию, подвергли пыткам, наказали кнутом и бросили в страшную темницу, так называемый каменный мешок, в котором нельзя было ни стоять во весь рост, ни вытянуться лежа. Пищу ему передавали через железную решетку. После многих месяцев этой ужасной пытки он был сослан в Сибирь под чужим именем. Там его насильно женили на камчадалке и поселили в одном из тех диких поселений, связи которых с Россией ограничивались тем, что жители выплачивали раз в год единственный причитавшийся с них налог — ясак из мехов. Много лет он провел в этих тяжелых условиях. Елизавета между тем впала в глубокую тоску. В первые дни после его исчезновения своего любовника она подумывала уйти в Успенский монастырь в городе Александрове. Она даже приказала построить себе дом рядом с монастырем. К тому же времени относится и сочиненная ею элегия».

Вот эта элегия, которая дает право считать, по мнению известного православного писателя и историка Петра Георгиевича Паламарчука, Елизавету Петровну первой русской поэтессой.

Всякий рассуждает, как в свете б жить, —
А недоумевает, как с роком бы быть:
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда друг не зрится, лучше б жизнь лишиться
Вся-то красота.

Я не в своей мочи огнь утушить,
Сердцем я болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно,
Легче б тя не знати, нежель так страдати
Всегда по тебе.

О нещастие злое, долго ль мя мучить,
О чем я страдаю, то не дашь зрить;
Или я тебе отдана,
Что мене мучити — тем ся веселити
И жизни лишити.

Куда красные дни тогда бывали,
Когда мои очи тя видали,
Ах! не была в скуке и ни в какой муке,
Как цвет процветали.

Ее же истинные чувства по воцарению Анны Иоанновны характеризует фраза: «Известно, что русские давно уже подружились с чертом!». Фраза стала известной, потому что Анне Иоанновне о ней тотчас донесли.

Безусловно, эта тема не могла не быть предметом обсуждения между молодым гвардейцем и его гражданской женой, судьба которых одинаково зависела от монаршей воли. А за Словом, как известно, следовало Дело…

«22 декабря 1731 года последовал на имя фельдшейхмейстера графа фон Миниха именный указ Императрицы Анны: «Открылось здесь (в СПб) некоторое зломысленное намерение у капитана от гвардии нашей князь Юрья Долгорукого с двумя единомысленными его такими же плутами, из которых один Цесаревны Елизавет Петровны служитель, а другой кн. Барятинский, которые уже и сами в том винились; и хотя, по розыску, других к ним причастников не явилось,

однакож, мы рассудили за потребное чрез сие вам повелеть, чтоб вы, тотчас по получении сего, отправили от себя одного доброго офицера в Ревель, которому велеть, по приезде своем туда, тотчас взять из тамошнего гарнизона прапорщика Шубина, который прежде жил при доме помянутой Цесаревны со всеми имеющимися у него письмами и другими вещьми, и привезть его за крепким караулом и присмотром в С. Петербург и там, посадя его в крепость, держать под таким же крепким караулом до Нашего приезда, в тайне, а прочие его, Шубина пожитки, в которых причины не находится, велеть оставить в Ревеле, за печатью того посланного офицера и вице-губернаторскою, а каким образом тому офицеру во взятье и в провозе его до Петербурга, а особливо, чтоб из писем его ничего не утерялось, в том поступать надлежит, них дать ему вам от себя инструкцию, а об отдаче его посланному вашему указ к Ревельскому вице-губернатору к вам при сем посылается. И повелеваем Нашему генералу фельдцейхмейстеру графу фон Миниху учьнить о том по сему Нашему указу Анна».

По приезде в Петроград он содержался в каменном мешке, где нельзя было ни сесть, ни лечь. 5 января 1732 г. Миниху был дан второй указ: «*Привезенного в С.-Петербург Ревельского гарнизонного прапорщика Алексея Шубина с двумя людьми его указали мы послать в Сибирь, а как и где их в Сибири содержать, о том посылается при сем Наш указ к губернатору Сибирскому, и для того Нашему генералу фельдцейхмейстеру, по получении сего, его Шубина, и с помянутыми людьми его отправить, прямо через Вологду в Сибирь немедленно, придав ему одного доброго обер или унтер офицера с пристойным числом солдаты, и велеть их везти дорогою тайно, чтоб посторонние отнюдь ведать об них не могли, и для того в городех и в других знатных местах с ними не останавливаться, а становиться всегда в малых деревнях и на-*

крепко смотреть, чтоб он, едучи дорогою, о себе известия никуда подать не мог, и о том обо всем дать от себя тому посланному надлежащую инструкцию, и потребные на оное отправление деньги, что надлежит, держать из канцелярии нашего ведомства. Анна».

Судя по этому указу, донос на Шубина был сделан «плутом» Столетовым, служившему по приказу Екатерины I у Елизаветы Петровны. Какую-то пакостную роль сыграл и придворный медик Иван Иванович Лесток, замешанный во многих подобных делах, за что в конце концов и поплатился…

Егор Столетов был известным провокатором, и мы с ним еще не раз встретимся на страницах наших книг о камчатских ссыльных.

В 1708 году, вероятно, в память о «несчастной» любви Петр I приближает к себе брата своей бывшей любовницы Анхен Монс — Вилли. А в 1716 году Вилли становится камер-юнкером царицы Екатерины, затем ее камергером и, по совместительству, любовником. Секретарем этого фаворита и был небезызвестный Егор Столетов, который очень успешно «подрабатывал» на этих связях, но вскоре жестоко поплатился за чужую измену: Вилли Монсу отрубили голову, а Столетова отправили «в работы» …

Екатерина I, став императрицей, вернула в столицу Столетова, назначив его в штат ко двору любимой дочери Елизаветы Петровны, которая подписывала за мать правительственные указы, так как бывшая «солдатская жена», подобранная на поле брани «птенцами гнезда Петрова», была абсолютно безграмотной.

Но Елизавета испытывала к этому провокатору какое-то «непреодолимое отвращение» и он был уволен от службы, затаив, естественно, обиду. И далее (Н. Ф. Неделько. Об одном из указов Анны Иоанновны // Сибирский медицинский журнал. 2013. № 3):

«Уволенный от службы при Елизавете Петровне, Столетов пытался примкнуть к князьям Долгоруким, а именно к фельдмаршалу Василию Владимировичу, от которого за благосклонность к нему жестоко поплатился. Вот подлинные слова указа, решившего их участь: "…Явились некоторые безсовестные и общаго добра не навидящие люди … бывший фельдмаршал Василий Долгорукий … дерзнел, не токмо Наши Государеву полезныя учреждения непристойным образом толковать, но и собственную Нашу Императорскую Персону поносительными словами оскорблять … Капитан Князь Юрий Долгорукой, Прапорщик Князь Алексей Борятинский, Егор Столетов … явились в некоторых жестоких Государственных преступлениях не токмо против Нашей Высочайшей Персоны, но и к повреждению Государственнаго общаго покоя и благополучия касающихся … приговорены они все к смертной казни. Однакож мы … от той смертной казни … освободили … послать под караулом … в вечную работу … Столетова на Нерчинские заводы…"».

Несколько лет спустя Столетову все-таки отрубят голову за то, что он посмеет сказать вслух то, что было известно всем, — о сожительстве императрицы Анны Иоанновны и Бирона, который «живет с нею по-немецки, чиновно».

Егор Столетов, по всей видимости, либо оговорил Шубина, либо подтвердил то, что, возможно, только Анне Иоанновне и было еще не известно — о прижитых царевной детях и возможности тайного брака с Шубиным, почему Анна совершенно неожиданно и весьма эксцентрично повелевает не только сослать Шубина, но и насильно женить его на камчадалке, будучи, вероятно, уверенной, что после этого брак его с царевной будет уже невозможен. Столетов и впоследствии также ничего и ни от кого не скрывал, а потому в 1735 году на очередном допросе снова подтвердил все, что он говорил о царевне Елизавете,

герцогине Екатерине и императрице Анне, «живущих блудно». И за длинный свой язык теперь уже поплатился головой.

Десять лет провел в камчатской ссылке Алексей Яковлевич Шубин. Существует легенда, проникшая даже в серьезную историческую литературу, почему и приходится об этом говорить, что его камчатской избранницей была вовсе даже не камчадалка, а некая несчастная ссыльная, встретившаяся на этапе… и далее следует некая романтическая история, плод воображения не совсем трезвого сознания.

Во-первых, мы не знаем ни одного случая политической ссылки на Камчатку женщин.

Во-вторых, существовала жесткая инструкция о передвижении колодников. В одной из своих статей, опубликованных в журнале «Русская старина» (1876, т. 15, № 2) А. С. Сгибнев приводит выдержку из такой типовой инструкции по сопровождению ссыльных на Камчатку, в пункте первом которой строго обозначено: «*…вести в камчадальские дальние остроги с великим охранением и за твердым караулом с осторожностью тайно, чтоб они, колодники, не могли уйти, и никого к ним не допущать, но ниже кому видеть давать, и разговоров как тебе не иметь, так и посланным с тобою солдатам не велеть, и не токмо разговоры иметь, но и о именах их не спрашивать, и никому о них не объявлять и до того никого не допускать*». И далее: «*А прибыв в камчадальские остроги, содержать в тех острогах, в которых бы таких же колодников не было, и во всем исполнение чинить по силе первого пункта*».

Шубина начали искать сразу после смерти Анны Иоанновны по приказу правительницы Анны Леопольдовны. Точнее, его искали по двум указам — герцога Бирона, в планах которого было женить своего сына на Елизавете, и Анны Леопольдовны, боявшихся дворцового переворота, который действительно был совершен в ночь на 25 ноября 1741 года гвардейцами.

Возвращение Шубина с Камчатки сразу стало литературным сюжетом для многих исторических произведений. Вот как это событие воспроизводится, например, в «Княжне Таракановой» А. Печерского:

«Вступив на престол, Елизавета Петровна вспомнила о своем любимце, сосланном за нее в дальнюю Камчатку. С великим трудом отыскали его не ранее 1742 года в одном камчадальском селении. Посланный объездил всю Камчатку, спрашивал везде, нет ли где Шубина, но не смог ничего разузнать.

Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему было запрещено называть себя кому бы то ни было, под страхом смертной казни. В одной юрте посланный отыскивать ссыльного спрашивал несколько бывших тут арестантов, не слыхивали ли они чего-нибудь про Шубина: никто не дал положительного ответа.

Потом, разговорясь с арестантами, посланный упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. "Разве Елизавета царствует?" — спросил тогда один из ссыльных. "Да вот уже другой год, как Елизавета Петровна восприяла родительский престол", — отвечал посыльный. "Но чем вы удостоверите в истине?" — спросил ссыльный. Офицер показал ему подорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы.

"В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами", — отвечал арестант.

Его привезли в Петербург, где 2 марта 1743 года он был произведен «за невинное претерпение» прямо в генерал-майоры и лейб-гвардии Семеновского полка в майоры и получил Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, в том числе село Работки на Волге, что в нынешнем Макарьевском уезде».

На самом деле список этих владений огромный — для бывшего возлюбленного Елизавета ничего не жалела. Есть в том списке и Курганиха…

Но место у сердца императрицы уже прочно занимал дворцовый певчий Алексей Разумовский, с которым Елизавета Петровна 15 июня 1744 года в церкви Воскресения в Барашах была тайно обвенчана.

Выйдя в отставку в том же году в чине генерал-поручика, Алексей Яковлевич удалился на покой в свои многочисленные поместья во Владимирской и Нижегородской губерниях, где на него трудилось более двух тысяч крепостных крестьян, подаренных бывшему фавориту императрицей.

«Теперь, — пишет Виктория Владимировна Боравская в одной из своих статей о своем предке, — *пора установить, что за род Шубины. В словаре Брокгауза и Эфрона читаем: "Шубины — два старинных русских дворянских рода… Первый ведет свое происхождение от Грязного Шубина, жившего в конце XVI века, сын которого 'Гаврило Грязново сын (умер в 1632 году)' был пошехонским помещиком, его праправнуком был известный нам Алексей Яковлевич Шубин. Род Шубиных записан в VI-й части родословной книги Ярославской губернии. Второй род — Шубины-Поздеевы — нас не интересует.*

Согласно словарю (1993 г., репринт), русский дворянский род Грязных (Грязново) ведет свое происхождение от Стени, по сказаниям древних родословцев, выходцев из Венеции; в Москве он крестился с именем Феодора, в середине XIV века. Его потомок в 6-м колене Василий Ильин имел прозвище Грязной. Сыном Василия был Григорий, дьяк разрядного приказа. Сын Григория Василий — дворянин из тех, 'которые живут у государя за бояры', с 1572 по 1577 год был в крымском плену. Его сын Тимофей Васильевич — одна из заметных фигур Смутного времени: он служил Борису Годунову, Василию Шуйскому, изменил ему, отъехал в Тушино, в Смоленске бил челом Сигизмунду о даровании Владислава в цари Москве и успел получить от короля земельные пожалования, 'приятель' Льва Сапеги, видный член правительства при Гонсевском, признанный в данном 'при Литве' чине

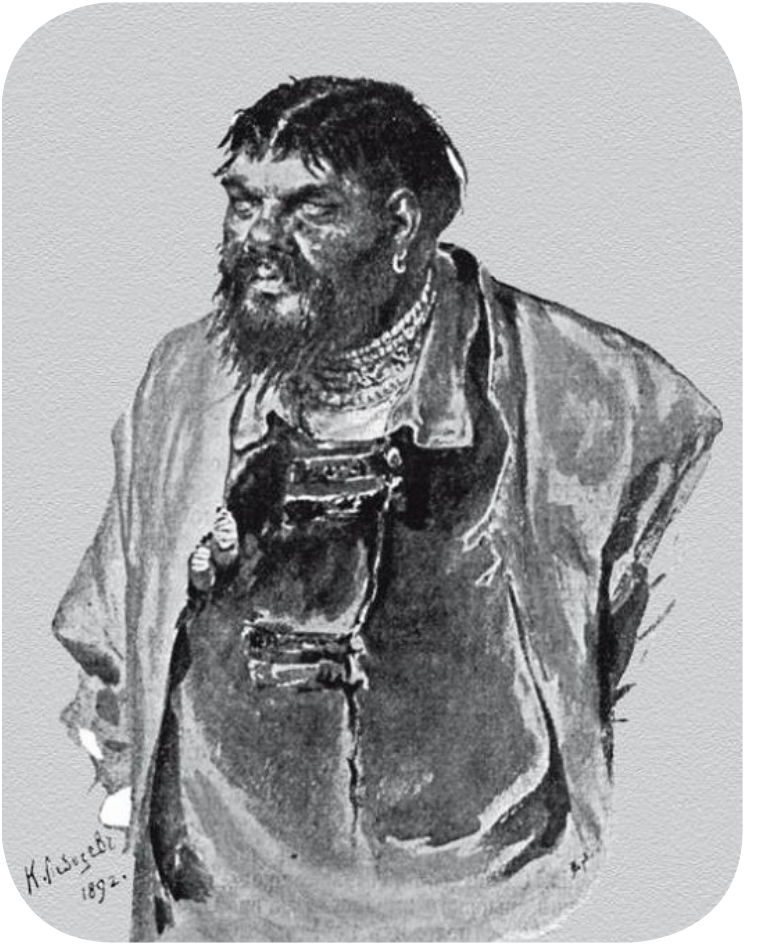
окольничего, служил потом царю Михаилу с тем же званием и окладом, какие имел при Борисе. Видимо, именно этого человека и следует считать прямым предком Алексея Яковлевича Шубина. А поместье Шубина Курганиха, вероятнее всего, досталось ему по наследству от довольно ловкого при всех правителях 'дворянина московского'".

Эта Курганиха так и не дает покоя беспокойному историку-краеведу. Безусловно, она ощущает родовую связь многих поколений Грязных-Шубиных со страшной Александровской слободой — цитаделью Ордена кромешников во времена Опричного террора.

Васюк Грязной, как известно из официальной истории, был помощником Малюты Скуратова, которого та же официальная отечественная история изображает кровавым палачом, истребившего и князя Старицкого, и митрополита Филиппа Московского (Колычева), и множество других замечательных русских людей, противостоявших Ордену сатанистов.

Но при более пристальном изучении русской истории оказывается, что кровавый палач Малюта Бельский Скуратов, которого изображают художники, как правило, в образе некоего чудовища, был родоначальником нескольких царствующих династий — ТО ЕСТЬ С НИМ — неким безымянным самозванцем, пришедшим НИОТКУДА, в эпоху жесточайших местнических родовых взаимоотношений, когда брак играл исключительную по значимости политическую роль для каждого боярского русского клана, РОДНИЛИСЬ БУДУЩИЕ РУССКИЕ ЦАРИ и их ближайшие родственники — Годуновы, Шуйские, Глинские, Черкасские…

По всей видимости, Малюта Скуратов действительно был палачом — только палачом для кромешников, развязавших Опричный террор, которые, придя к власти вместе с Романовыми во время Великой Смуты, создали и закрепили в сознании своих соотечественников новую виртуальную историческую модель, переставившую действительные события



Малюта Скуратов. К. В. Лебедев, 1892 год.

истории нашего Отечества с ног на голову и превратившую Малюту Скуратова с Васюком Грязновым, а затем и Бориса Годунова с Богданом Бельским, племянником Малюты, в исторических монстров…

Грязные по официальным источникам служили князьям Старицким — главным и законным (по праву крови) претендентам на российский престол. После опричнины Иван Грозный в своем ответе на послание Васюка Грязного из татарского плена подтверждает факт прежнего нахождения Грязных на службе удельного князя Старицкого. А этот факт по своей политической оценке сопоставим в истории разве что с возможным нахождением рода Грязных в лагере троцкистов при большевиках-сталинцах.

В период Великой Смуты подняли головы дети многих казненных кромешников — Басмановы-Плещеевы, Салтыковы, Бутурлины, Шаховские, объединившиеся в хищную стаю вокруг тушинского вора ЛжеДмитрия и патриарха Филарета Романова, принявшего из рук вора священство…

От вора к вору метались тогда многие русские бояре, потеряв нравственные и идеологические ориентиры в кромешной Смуте, развязанной, как и в годы Опричного террора, потомками Кошкиных-Захарьиных — семейным кланом бояр Романовых. Не исключением стали и Грязные: Тимофей Васильевич «в 1600 г. был приставом при опальном князе И. В. Сицком (следовательно, пользовался доверием Бориса Годунова). В 1609 г. Грязной участвовал в неудачной попытке свергнуть царя Василия Шуйского с престола, а затем бежал в Тушино. Затем он принес присягу королевичу Владиславу и получил от него чин окольничего, однако после освобождения Москвы от поляков был лишен окольничества и земель, пожалованных ему Лжедмитрием II и королевичем Владиславом» (Шокарев С. «Тайны русской аристократии»).

Но обратим внимание вот на что — ведь это — ЛИШЕНИЕ ЧИНА И ЗЕМЕЛЬ, ПОЛУЧЕННЫХ ВО ВРЕМЯ СМУТЫ ОТ

ВРАГОВ, — не было правилом для всех, а, скорее, исключением из правил того времени, потому что своим — тушинскому отребью — подобные «грехи» прощались. И мы можем привести множество примеров, начиная с митрополита (которого возвел в этот духовный сан ЛжеДмитрий I) и продолжая патриархом (возведенным в этот высший духовный чин ЛжеДмитрием II) Филаретом Романовым.

Национальным предателем в то время был объявлен только князь Куракин — и только потому, что он был из Гедиминовичей-Патрикеевых, из одной родовой ветви с Голицыными, которые противостояли Романовым в той схватке за власть, каким и была по своей кровожадной сути Великая Смута. И еще потому, что в отличие от предателей Салтыковых, оставшихся в Польше, он вернулся в Россию, признав свою перед ней вину. Этим и воспользовались его недруги, в том числе и те из Салтыковых, которые оставались в России и, будучи прямыми родственниками Михаила Романова, правили страной от имени безвольного царя.

Очень любопытна с этих же позиций «двойных стандартов» еще одна фантастическая история Смутного времени, связанная с именем четвероюродного племянника Тимофея Грязного — небезызвестного Михаила Молчанова, который также был объявлен национальным предателем, как и князь Куракин, но посмертно.

Стоит перечитать с этих позиций, например, популярного историка Сергея Шокарева, его все те же «Тайны русской аристократии», на которые мы часто ссылаемся, чтобы перестать понимать, а что же такого особенного совершил Михаил Молчанов, чего не совершил никто другой, кроме него, чтобы сделать именно его символом предательства? Выделим эти моменты.

Молчанов служил Борису Годунову, а потом его предал. Так поступили многие, в том числе, и самыми первыми, — Романовы.

Был одним из убийц сына Федора Годунова и его матери (дочери Малюты Скуратова) по приказу родственника и воспитанника Романовых ЛжеДмитрия I.

«В 1605 г. Молчанов переходит на сторону Лжедмитрия I. Вероятно, это произошло во время мятежа в Кромах. По крайней мере, на пути в Москву Лжедмитрий I отправил в столицу князя В. В. Голицына, П. Ф. Басманова, князя В. М. Рубца Мосальского, М. А. Молчанова и дьяка А. В. Шерефединова с тем, чтобы они низложили патриарха Иова, а затем расправились с арестованной семьей царя Бориса. Убийцы прибыли в Москву 10 июня. Взяв с собой трех стрельцов, они явились на старый двор Бориса Годунова, где содержалась арестованная царская семья. Годуновых развели по комнатам и удавили. Путь самозванцу был расчищен».

Был фаворитом ЛжеДмитрия I и затем, после его гибели, сам себя объявил ЛжеДмитрием, то есть продолжил дело, начатое Романовыми, которое было впоследствии укреплено в Тушино:

«При Лжедмитрии I Молчанов стал одним из самых близких к самозванцу людей. По свидетельству И. Массы, Лжедмитрий I и Молчанов предавались грубому разврату. По приказу самозванца во дворец каждую ночь приводили понравившихся ему женщин, насильно захваченных на улицах, невзирая ни на замужество, ни на монашеский сан. Русские источники повествуют о том, что Молчанов при дворе Лжедмитрия I занимался чернокнижием. Именно за чернокнижие он был бит кнутом сразу же после низложения самозванца. Однако спустя несколько дней Молчанову удалось бежать из Москвы. Поляк И. Хвалибога пишет, что исчезновение царского любимца вызвало «всегласную весть в столице» о том, что «Димитрий с Молчановым и несколькими другими потаенно ушел…».

Михаил Молчанов обосновался в Самборе и на свой страх и риск начал новый этап самозванческой авантюры.

И Молчанов, и приютившая его жена Ю. Мнишека, знали, что самозванец был убит во время московского восстания, но жажда мести и стремление восстановить свое высокое положение, подвигли их на возрождение призрака. В Самборе Молчанов выдавал себя за чудесно спасшегося «царя Дмитрия Ивановича». Он был осторожен и не часто показывался на публике, понимая, что его могут легко разоблачить. Однако слухи о том, что «истинный царь» во второй раз избегнул смерти и скрывается в Польше вскоре всколыхнули южную «украйну» Российского государства. Активно поддержал новую самозванческую интригу князь Г. П. Шаховской, также приближенный Лжедмитрия I, сумевший бежать из Москвы и обосноваться в Путивле. Ряд источников сообщают, что в суматохе переворота Шаховскому удалось выкрасть государственную печать, поэтому его путивльские грамоты от имени «царя Дмитрия» внушали доверие.

Правительство Василия Шуйского довольно скоро разобралось в происходящем и выяснило, кто выдает себя за покойного самозванца. Послу в Речь Посполитую князю Г. К. Волконскому на слова поляков о том, что Лжедмитрий I спасся и укрывается в Самборе, было велено отвечать, что «самборский вор» не кто иной, как Михалко Молчанов. Посол приводил и словесные портреты Лжедмитрия и Молчанова с тем, чтобы доказать, что это разные лица. Согласно описанию Волконского, Молчанов был «возрастом не мал, рожеем смугол, нос немного покляп (горбатый), брови черны, не малы, нависли, глаза невелики, волосы на голове черны курчевавы, ото лба вверх взглаживает, ус чорн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы». Отмечалась и образованность Молчанова: «По полски говорить и грамоте полской горазд, и по латыне говорити умеет…»

Как можно видеть, Молчанов был вовсе не похож на Лжедмитрия I. Он мог обмануть только тех, кто никогда не видел первого самозванца и вообще мало слышал о нем.

Вскоре в Самборе произошла знаменательная встреча Молчанова с таким человеком, сыгравшим впоследствии огромную роль в событиях Смуты. Это был Иван Болотников, пробиравшийся из турецкого плена на родину. Молчанов изобразил перед ним царя, пожаловал страннику 30 дукатов, саблю, бурку и письмо, по которому поручил ему командование войсками против Шуйского. Вероятно, Молчанов сумел разглядеть в Болотникове полководческий талант, поскольку уже через несколько месяцев его армия осаждала царя в столице Российского государства».

Теперь Молчанов-Грязной во главе тех, кто хочет свергнуть других Скуратовичей — Василия Шуйского. То есть снова он на стороне Романовых.

«Молчанов далеко не сразу примкнул к Лжедмитрию II. Он пытался действовать самостоятельно, плел интриги, и в 1608 г. объявился в Москве в числе заговорщиков против царя Василия. Заговор был раскрыт, а его участники схвачены. Молчанову довелось вновь отведать кнута, но он сохранил жизнь и, поправившись, поспешил на новые приключения. В 1609 г. Молчанов объявился в отряде польского гетмана Яна-Петра Сапега, откуда перешел в Тушинский лагерь Лжедмитрия II. От Тушинского вора Молчанов получил окольничество».

Не забудем, что тушинский лагерь представляла свора Романовых и их ближних и дальних родственников.

А вот и финал: «*Когда после вступления Сигизмунда III на российскую территорию в Тушинском стане начался конфликт, Молчанов примкнул к пропольской партии тушинских бояр, возглавляемой М. Г. Салтыковым. Посольство от тушинских бояр (М. Г. Салтыков, князь Ю. Д. Хворостинин, князь В. М. Рубец-Мосальский, М. А. Молчанов, И. Т. Грамотин и другие) отправилось под Смоленск и предложило российскую корону королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Соответствующий договор был заключен 4 февраля 1610 г.*

В польской администрации Москвы Молчанов получил должность управляющего ранее не существовавшим Панским приказом. Судя по его названию, он занимался вопросами, связанными с пребыванием поляков в Москве и государстве. Дальнейшая судьба Молчанова позволяет предполагать, что он не очень заботился об интересах русского населения и держал сторону поляков».

Пропольская «Семибоярщина», как известно, представляла сугубо клановые интересы Романовых.

«В "Новом летописце" содержится рассказ о том, как несколько бывших тушинцев, перешедших на сторону короля, пришли получить благословение у патриарха Гермогена. Тот поначалу отказался благословить изменников, но Михаилу Салтыкову удалось убедить патриарха в чистоте их намерений. Гермоген благословил пришедших, но заметил при этом: "…А если вы пришли с ложью, и разрушение православной христианской вере будет в вашем умысле, то не будет на вас милость Божия и Пречистой Богородицы и будете вы прокляты от всего вселенского собора". Когда же святитель увидел среди пришедших Михаила Молчанова, он проклял его и повелел с позором выгнать из церкви — в исправление этого негодяя патриарх не верил. Летописец сообщает, что пророчество патриарха сбылось — все, кто стремился установить в России польское владычество, умерли "злой" смертью. Одним из первых погиб Михаил Молчанов — он был убит во время восстания москвичей против поляков на Страстной неделе 1611 г.».

То есть, судя по всем перечисленным подвигам Михаила Молчанова, Романовы должны были сделать из него национального героя, поставить ему памятник, а они превратили его в национальный символ предательства. Ну, никак не вяжется…

Но вот смотрите, что параллельно с рассказанным (страшным и ужасным предательством) происходит в жизни: хотя

род Василия Грязного пресёкся со смертью его правнука Ивана Васильевича, но сестра его, Степанида, вышла за муж за окольничего князя Барятинского (Шокарев С. Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. // Историко-публицистический альманах «Москва-Крым». № 1. Москва, 2000), отличившегося в подавлении восстания Степана Разина. Историк Костомаров говорит, что «Барятинский, одержав победу под Симбирском, спас русский престол».

То есть, несмотря на идеологическую родовую опалу и «национальное презрение», род Грязных по-прежнему был в чести, и с Грязными в те годы за честь почитали родниться даже русские князья… Правда, говорят, что Барятинские — князья захудалые, второсортные, не имеющие большого политического веса.

Но давайте посмотрим на факты.

Дочь князя Юрия Никитича Барятинского, наполовину Грязная по крови, Анна Юрьевна вышла замуж в первый раз за князя Прохора Григорьевича Долгорукова, а во второй раз, овдовев, — за Тихона Никитича Стрешнева.

Про князей Долгоруковых мы уже не раз упоминали в этой книге.

Но не все сегодня, вероятно, помнят, кто такой этот Стрешнев?

Напомним: «*…с 1689 стал пользоваться особенным доверием Петра Великого. Отправляясь в заграничное путешествие в 1697, Петр вверил ему вместе с князем Ромодановским высшее управление государством*».

Далее: «*В 1699 году Т. Н. Стрешнев активно участвовал в розыске и казнях стрельцов. Влияние Стрешнева было столь велико, что бывшая царица Евдокия просила его о заступничестве перед Петром. В 1709 году назначен московским губернатором, в 1711 году — сенатором. Пётр часто называл Стрешнева "отцом" не только во время разговора, но и в письмах*».

А теперь откроем главный секрет: как пишет в «Записках» князь Петр Долгоруков, царь называл так своего официального «дядьку»-воспитателя вовсе даже не случайно: Петр I вовсе не был Романовым: по крови он был Стрешневым, так как Тихон Никитич был его родным отцом. А дети Тихона Никитича Стрешнева и княгини Анны Юрьевны Барятинской (Грязной) — это, по сути, сводный брат (Иван Тихонович Стрешнев, женатый на Анне Лукиничне Долгоруковой, родной сестре Василия Лукича, казненного Анной Иоанновной) и сводная сестра (Елена Тихоновна Стрешнева, вышедшая замуж за князя Ивана Ивановича Куракина) императора Петра I.

Одним из потомков Анны Юрьевны Барятинской в ее первом браке с князем Прохором Григорьевичем Долгоруковым стала знаменитая Елена Петровна Блаватская (1831–1891).

Но на этом таинственные переплетения судеб наших героев вовсе даже не заканчиваются: родной сестрой князя Прохора Григорьевича была княгиня Мавра Григорьевна Долгорукова, мамка царевича Петра Алексеевича, будущего императора. А ее мужем — Иван Михайлович… Колычев, сын которых — Василий Иванович — будет осужден по делу царевича Алексея и сослан на Камчатку. А сестра Василия Ивановича —Екатерина Ивановна Колычева выйдет замуж за стольника Михаила Ивановича Приклонского, брат которого станет одним из прародителей Александра Сергеевича Пушкина, а сам Михаил Иванович с Екатериной Ивановной Колычевой (потомков святого митрополита Филиппа Московского) станут прародителями патриарха Алексия I Симанского.

Так что корни рода Грязных проросли очень глубоко в плодородной земле нашего Отечества. И это было, как мы видим, совсем не случайно — как ни пытались Романовы и их приспешники извратить историю…

Кромешники по итогам развязанной ими Великой Смуты в результате воцарения Романовых получили каждый «по серьгам» — особливо упрочился клан Салтыковых (из рода Миши Прушанина, «из Прусс», — Морозовых, Тучковых, Шестовых), с которыми Кошкины-Захарьины-Романовы были (на протяжении столетий!) в ближайшем кровном родстве.

И теперь уже даже «Пожарские» выброшены были на колею отечественной истории — князю Дмитрию Михайловичу пришлось даже склонить свою голову не только перед преуспевшим в национальном предательстве кланом Салтыковых, но и кланом Радшичей — перед боярами Пушкиными, которым теперь не «по чести» (то есть не по придворному рангу) было равняться с освободителем Отечества князем Дмитрием, который неожиданно оказался по прихоти царедворцев рангом ниже Пушкиных на придворной лестнице в Доме Романовых…

Отечественное историческое поле теперь — во времена царствования первых Романовых — было засеяно отменным сорняком, и этот сорняк глушил на корню все, что способно было еще вырасти и вызреть на пользу Отечеству.

Князь Петр Долгоруков в своих «Записках», основываясь на семейных преданиях, рассказывает о причинах избрания царя Романова: «*Было выдвинуто предложение ограничить царскую власть, до той поры абсолютную, и стали подыскивать государя с не слишком уж сильным характером, чтобы не опасаться нарушения договора, который должен был подписать новый избранник. Отец Михаила, Филарет, находился в польском плену; если бы он был в то время в России, его род никогда не был бы избран, настолько буйный и жесткий характер Филарета внушал всем опасение. Но он был далеко; и боярин Федор Иванович Шереметев, женатый на княжне Черкасской, дочери сестры Филарета, предъявил так называемое письмо своего дяди, в котором*

тот советовал Земскому собору ввести ограничение государевой власти. Письмо, позднее признанное апокрифом (то есть подложным — С.В.), *породило всеобщее воодушевление, и юный Михаил был избран со всей возможной поспешностью, так как его крайняя молодость и слабый характер "доброго малого" (если допустимо так выразиться) позволяли надеяться на то, что им можно будет руководить и управлять».*

Но руководить и управлять царем стали не «мужи Отечества», как предполагали избиратели, а ближайшие родственники.

«Хотели, как лучше, а получилось как всегда». Фраза на все времена…

Но вернемся к нашему герою.

Долгорукий П. В.: «*После восшествия на трон она приказала вернуть Шубина, но стоило немалого труда его найти, так как у него было чужое имя. Поиски длились не один год. Наконец его нашли, и он приехал в Петербург со своей женой-камчадалкой. Он был произведен в генерал-майоры, получил ленту св. Александра Невского и 2 тысячи душ в Александровском уезде, где в самом уездном городе был построен дом для Елизаветы. У Шубина хватило ума не оставаться при дворе; вскоре он оставил службу в чине генерал-лейтенанта и удалился в деревню, где на покое и закончил свое существование, столь бурное на протяжении десятка лет. После него осталось двое сыновей, у старшего из которых было большое потомство».*

Вот и главное, собственно из-за чего и задуман был этот очерк: Алексей Яковлевич вернулся в Москву не один. Судьба его жены-камчадалки неизвестна, но младший сын — Иван Алексеевич — родился у Шубина только в 1755 году в новом браке с Анной Лукьяновной Захарьиной, поэтому вероятно, она была жива еще в начале 1750- годов. С отцом прибыли в столицу и две его дочери, родившиеся на Камчатке:

Софья и Мария. В литературе есть сообщение, что Шубин выдал своих камчадалок за окрестных мужиков.

Елена Арсеньева в своей книге «Виват, Елисавет!» пишет об этом: «*Сюда, в Работки, он вызвал свою камчатскую жену, на которой был когда-то женат насильно, но к которой успел привязаться. С ней прибыла целая компания молоденьких и хорошеньких камчадалок, которые некоторое время после смерти супруги составляли гарем стареющего помещика, но потом были выданы им за парней соседней деревни Чечениной. Старожилы-нижегородцы рассказывали, что долгие годы жителей Чеченина дразнили камчадалами и у половины из них были раскосые, узкие глаза.*

Так и дожил Алексей Яковлевич Шубин свой век в Работках. Умер он в 1766 году, пережив обожаемую Елизавету на семь лет, однако каждый год в день ее тезоименитства гремели старые пушки, стоявшие у ворот работкинского имения, а старик-хозяин, выйдя на крыльцо, салютовал шпагою и трижды выкликал во весь голос:

— Виват, Елисавет!».

Но на самом деле судьба его дочерей сложилась совсем иначе.

О Софье мы знаем совсем немного: «*София Алекс. Р. 1739 г. До 1781 г. за полков. Николаем Яковл. Груздовцовым. Получила приданого и платьем на 6461 р.*».

Но вот о судьбе Марии, которая вышла замуж за ярославского помещика Федора Федоровича Панова, владельца сельца Некрасово Котогарского стана Любимского уезда Ярославской губернии, точнее о судьбе одной из ее дочерей — Феофании, внуков и правнуков, рассказала ее прямой потомок Варвара Николаевна Волоцкая, урожденная Нефимонова, которая написала «Воспоминания крепостной старушки А. Г. Хрущовой», опубликованные в журнале «Русский архив» (1901, кн. 1, вып. 4).

ДЕТСТВО АВДОТЬИ ГРИГОРЬЕВОЙ

Я, Авдотья Григорьева, уроженка Калужской губернии, родилась в 1786 году. До десяти лет жила я в своей родной крестьянской семье, счастливая, беззаботная, бегала по улице босая, в одной рубашонке. Однажды вся наша большая семья собралась в избу обедать. Отец, почтенный старичок, и дети, окружая его, усердно помолились Богу и сели за стол. Мать хлопотала у печи. Вдруг отворяется дверь, и входит староста. Помолясь на иконы, он кланяется хозяевам и, почесывая затылок, говорит: «Ну, дядя Григорий, недобрую весть я принес тебе. Сейчас получен мною от барина приказ: немедленно привезти к нему твою Дуняшку. Там, слышь, бают, что он проиграл ее в карты другому барину». Одно мгновение все смотрят на него, разинув рты. Потом подымается горький плач, сбегается вся деревня, и начинают причитать надо мной как над покойницей. Судьба сразу дала мне понять, что я не батюшкина и не матушкина, но барская и что наш барин, живя от нас за сотни верст, помнит всех своих крепостных, не исключая и ребятишек. Но барской воле противиться нельзя, от господ некуда убежать и спрятаться, и потому, снарядив меня бедную, отдали старосте. Оторвали меня малую от родителей и насильно повезли в неволю. Дорогою я плакала, а встречные с нами сильно негодовали на господ.

Приехав в Ярославль, мы узнали, что я проиграна господину Шестакову, Гавриилу Даниловичу, жившему на Духовской улице в собственном доме. Вот я стою пред страшным барином; староста толкает меня в бок, говоря: «Кланяйся господам в ножки и целуй у них ручки». Барин же, указывая на молодую женщину, говорит: «Вот, Дуняшка, твоя барыня; слушайся ее». Барыню мою звали Феофания Федоровна. Она приказала мне идти за собой к ней в комнату и посадила на скамеечку у своих ног. Я со страхом поглядываю

на нее исподлобья. Она же то погладит меня по голове, то вдруг вскочит со стула и быстро заходит по комнате, браня своего мужа. Кушать приносили ей в ее комнату, и остатки обеда она отдавала мне. Я же была у нее на посовушках. Барин почти не бывал у нас, только изредка к ночи приказывал принести из кабинета свои подушки, и тогда я уходила из комнаты. Барыня моя была добрая; однако я ее боялась и постоянно тревожилась, чтобы разом уловить и исполнить приказание, если она его сделает. Даже и сны мои были полны такой же заботы. Я осмыслила, что нет у меня никаких прав, а все мое положение зависит от воли госпожи, и чтобы заслужить ее милость, я старалась быть внимательной, расторопной и безропотной, но вместе с тем навсегда утратила охоту к забавам и стала как бы взрослая. О родителях я не имела никаких известий, по их неграмотности и неимению денег на пересылку писем: в те времена даже господа писали и получали письма раза два в год или реже.

Однажды вызывают меня во двор, говоря, что там меня спрашивает незнакомая женщина. И какова же была моя радость, когда я увидала пред собой мою матушку! Мы так и замерли в объятиях, обливая одна другую слезами. Материнское сердце не выдержало неизвестности о моем житье: она отпросилась у мужа и старосты и пошла пешком меня проведать. С дозволения моих господ, она временно поселилась в нашей людской, но видалась со мной только урывками, так как обе мы были заняты. Она добровольно помогала в работах нашей прислуге, чтобы избегнуть упрека в дармоедстве и выказать себя отличною работницей, в надежде этим соблазнить моих господ на покупку ее с семьею. Когда о трудовых ее подвигах и кротком нраве доложили барыне, та высказала именно такое желание; но, к несчастью, наш барин запросил такую огромную цену, что поневоле пришлось отказаться от надежды вновь соединить нашу семью под одною властью. Когда не сбылась эта ненадолго нам

блеснувшая надежда, мать моя простилась со мной навсегда, успокоенная уверенностью, что я живу у хороших людей.

Прощаясь, она благословила меня и сказала: «Не плачь, мое дитятко, молись Господу Богу и Царице Небесной. Люби своих господ и служи им верой и правдой. Строго соблюдай целомудрие; не выходи замуж, если будет возможно, ради того, чтобы и тебе не пришлось разлучаться с детьми». С Божьею помощью я свято исполнила ее завет. С тех пор я не получала никаких известий о моих родных; но почти утешилась в разлуке с ними, покорясь неизбежности и отдав все сердце моей старшей барышне, которую не любить было невозможно.

ШЕСТАКОВ И ПАНОВ

Гаврила Данилович Шестаков происходил из дворянской семьи, но очень бедной, и родители его сами работали в поле. Детей у них было много; мать младшего ребенка посадит к себе одного «на закукры», как говорят в деревне, двоих ведет за руки, и со всех сторон окружена была детьми постарше, которые шли и бежали с нею. Гавриле Даниловичу необходимо было самому о себе постараться; он поступил на государственную службу и дослужился до чина бригадира. Это был важный чин, почти генеральский; людям этого чина дозволялось употреблять при выездах генеральскую упряжку: шестерку лошадей с форейтором впереди. Слыхала я, будто он некоторое время служил и в Сибири, откуда вернулся в собственной карете, с гербами на дверцах и с моржовою сбруей, а с собою привез немало драгоценных камней, более всего аметистов. Последнее время службы он провел в Москве в тамошнем Сенате. Приехав на родину в сельцо Дворянкино Любимского уезда Ярославской губернии, повидать родителей, он был ими сосватан.

В соседстве с бедными Шестаковыми жил богатый помещик Панов Федор Федорович, которого земли тянулись

верст на тридцать в длину [(дворяне Пановы внесены во вторую часть дворянской книги Ярославской губернии. Федор Федорович служил в наследниковом Кирасирском полку, вышел в отставку в 1763 г. поручиком (Гос. архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 2468. Л. 2).]. Панов был женат на знатной особе, бывшей фрейлине при царском дворе, и была у них одна только дочь Феофания, красавица собой (дочерей у Марии Алексеевны было две — Феофания и Анисья — она была старше Феофании на семь лет — ГАЯО. Ф. 753. Оп. 1. Д. 2. Л. 113 — С. В.). Рано она вышла замуж тоже за красивого помещика Андрея Андреевича Мыльникова. Жили они душа в душу, любовались на своего первенца Федю, утешались его детским лепетом. Но счастье земное так непрочно: спустя немного лет неожиданно для всех умирает Мыльников, и молодая вдова с сыном возвращается в дом родительский. Мать у нее, болезненная женщина, помешалась в рассудке. Дочь начинает замечать, что она становится обузой для отца и что он начинает соблазнять ее молоденькую няню. В это время ей сватают бригадира Шестакова, и она решается за него идти по совету отца и всех родных, хотя немолодой, суровый и гордый Шестаков не мог внушить ей любви.

Панов же, выдав дочь замуж, стал решительно преследовать ее скромную няню, свою крепостную девушку, которая долго ему сопротивлялась, но в конце концов подчинилась его власти и силе. У них родился сын Петр. Она была прекрасная, добрая, кроткая, сердечная женщина. Всю ее родню Панов отпустил на волю и устроил им в Ярославле гостиницу. Когда же умерла его поврежденная в уме жена, он объявил, что сын его Петр законный. (К сожалению, этот сын впоследствии оказался мучителем крепостных девушек и был сослан в Сибирь, оставив после себя красавицу жену и троих детей.) Но зять Шестаков не мог примириться с последними действиями тестя. Заговорила в нем дворянская гордость.

Каково! Женился на своей крепостной девке и усыновил ее сына, лишил наследства законную дочь. Через несколько времени Панов приехал в Ярославль и остановился в гостинице у родных своей второй жены. Узнав об этом, Шестаков явился к тестю и имел с ним горячее объяснение, вероятно, по поводу его недворянского поведения. Оттуда сильно взволнованный вышел он в общую залу гостиницы и потребовал чашку кофе. Быстро ее выпив, он вдруг почувствовал себя дурно и начал так громко икать, что перетревожил всех находившихся доме. Панов распорядился немедленно отвезти заболевшего зятя домой. Домашняя прислуга сочла Шестакова умирающим и без его распоряжения позвала к нему священника, но больной отказался от услуг последнего и крикнул прислуге: «Зачем пустили сюда жеребцов? Гоните их!» Все думали, что ему почудились жеребцы в комнате, но, может быть, он так назвал членов церковного причта (нередко слышишь, как семинаристов называют жеребячьей породой). Вслед за тем несчастный Шестаков умер без покаяния, в страшных мучениях и ни с кем не простившись. Поговаривали, будто он был отравлен родными второй жены Панова, за свою угрозу возбудить дело о подлоге в метрических книгах; но возможно, что тут от гнева сделался сильный истерический припадок с громкою икотою.

После Шестакова осталась вдова, моя барыня Феофания Федоровна в тихом помешательстве, и две дочери (опекуном был у них Алябьев). Мать и меньшую дочь Александру Гавриловну взял к себе в усадьбу Мыльников, но держал их в подвальном этаже и в черном теле. Этот молодой человек, обладатель 500 душ и прекрасной усадьбы, по примеру прежних помещиков, завел псовую охоту, окружил себя приятелями, с которыми кутил и безобразничал. Бывало, запрется в спальню со своей любовницей, а бедная малютка Саша бегает без всякого призора в беспятых башмаках и худом платьице. Голодная, стучит она потихоньку в дверь

его спальни и кричит: «Акулина Ивановна, мне есть хочется». Не скоро отворится дверь, и та с бранью сунет ей кусок черного хлеба; ребенок же ловит руку и с жаром ее целует. Малютка Саша заглядывает в переднюю: там так весело, собралось много дворовых мальчиков; играют в три листика и, заливаясь смехом, колотят друг друга по носу. Как ей хочется поиграть с ними, но боится братца; если он увидит, то наденет на нее овчинный тулуп, посадит на стул и привяжет ниточкой. О, как страшно ей такое наказание! Сидит, бывало, боясь пошевелиться.

МАРИЯ ШЕСТАКОВА

Старшую дочь Шестакова, Марию Гавриловну, а с нею и меня, как ее няню, взял в Москву ее родственник и опекун Алябьев, важный генерал, чуть ли не сенатор, прежде бывший, кажется, вологодский губернатор (отец композитора — С.В.). У него даже и лакеи были такие важные, расфранченные, в шелковых чулках, что я сначала почтительно вставала перед ними, принимая их за господ; ну, и потом, как узнала, кто чего стоит, стала посмелее. Однажды у Алябьевых было много гостей; а мне, по приказу барышни, нужно было пройти через переднюю, где сидели свои и чужие лакеи; один из них, подскочив ко мне, дотронулся до моей груди со словами: «Ах, какая грудь-то лебединая!» Я вспыхнула и дала ему звонкую пощечину, сказав: «А ты не забывайся и рукам воли не давай». — «Ну, как вы меня озадачили, — сказал он, — легче было бы мне провалиться сквозь землю». Зато после он сам да и другие всегда относились ко мне с почтением и уважением.

Алябьев отдал мою барышню в пансион к мадам Дельсаль. Когда же в 1812 году французы двинулись на Москву, то и Марья Гавриловна уехала со мною в свою усадьбу, в Любимской уезд. Она перевезла к себе мать и сестру и водворила в доме

порядок и приличие. Первый ее выезд был сделан в приходскую церковь. Она всегда выезжала парадно: в коляске, на шестерке лошадей, с форейтором. На запятках стоял старый лакей. Узнав о ее приезде, стали наш дом посещать хорошие господа. По болезни матери, вынуждена была принимать гостей сама барышня. Она не затруднялась занимать их, но так скромно, что как говорит с мужчиною, то глазки все вниз опускает и только немножечко улыбается губками. Я любуюсь на нее в дверную щелку, а сердце-то мое так и прыгает от радости. Что за прелесть барышня! Недаром мужчины в нее влюбляются. А женихов-то сколько было! Один даже на коленях со слезами умолял выйти за него замуж. Она всем отвечала одно: «Не могу; Господь меня накажет, если я брошу больную мать и маленькую сестру». Бывали у нас и пленные французские офицеры; она играла им на фортепьяно и разговаривала по-французски. Она была милостива к подвластным, со мной же беседовала, как с подругой, и читала мне книжки. К несчастью, недолго пришлось ей пожить. На семнадцатом году она захворала и в постель слегла. Я от нее не отходила и спала возле нее на полу. Раз я уснула и сквозь сон слышу, что-то стукнуло. Глядь, а она, моя голубушка, стоит на постельке, с иконою в руках, да пошатнулась и упала бы, если бы я не успела ее поддержать. Она мне говорит: «Сейчас приходила какая-то женщина и сказала мне: снимите икону Божьей Матери и прикажите маменьке благословить себя, как невест к венцу благословляют, повторила она и скрылась». Я тотчас позвала барыню, которая, несмотря на свою болезнь, как следует дала дочери просимое благословение. Барышня плакала. А на мой вопрос: «Об чем же вы, матушка, плачете?», она отвечала: «Как же не плакать, когда благословляют?» Видимо, прощалась с жизнью, но не хотела меня заранее опечалить прямым ответом. Сама пожелала приобщиться и пособороваться. Вскоре после этого говорит мне: «Авдотьюшка, что же отец Исаия стоит у дверей? Проси его

в гостиную!» Я потихоньку ей отвечаю: «Матушка, перекреститесь: никакого отца Исаии здесь нет!» — «Что ты, разве я не вижу? Вот он где стоит!» Вскоре тихо скончалась моя добрая, безупречная и незабвенная барышня. Горько тогда я плакала, да и теперь не могу о ней вспомнить без слез. (При этом Авдотья Григорьевна, вынимая из-под подушки косу и целуя ее, говорила: «А вот ее коса, которую я берегу на память об ней. Когда же я сама умру, то прикажите эту косу положить со мной в гроб».)

АЛЕКСАНДРА ШЕСТАКОВА И ЕЕ СУЖЕНЫЙ

По смерти незаменимой барышни я сделалась нянею ее младшей сестры, Александры Гавриловны, а когда эта стала круглой сиротой, то я старалась заменить ей и мать. Младшая барышня уступала старшей в разуме и красоте, но все-таки немного напоминала мне умершую. Она более ее нуждалась в моих заботах и была ко мне ласкова. Когда ее отдали в Ярославский благородный пансион, там же, по тогдашнему обычаю, поселилась и я. Там всего больше учили французскому языку, музыке и танцам. В свободное от занятий время воспитанницы читали книги, чаще всего французские романы. Моя барышня также была страстною любительницею чтения. Читала же она внимательно, а из чужих книг даже делала выписки, и при хорошей памяти научилась хорошо излагать свои мысли. Однако чтение романов приучило ее мечтать о герое, представляющем совершенство по красоте и благородству души. Судьба же готовила ей в мужья человека, не вполне подходившего. Верстах в двадцати от Ярославля есть село Волково, родовая усадьба ее суженого, Нефимонова. Они причисляли себя к старинному дворянству и подтверждали то милостивою грамотою от царей Иоанна и Петра Алексею Евтифеевичу Нефимонову. Я сама видела эту грамоту, она длиною около двух аршин, и в ней

сказано, что Нефимонову пожалованы земли в Юрьев-Польском и Ярославском уездах, за службы его и предков в прибыльных войнах, в течение которых из Польши и Литвы вывезены в российские пределы, кроме костельных и военных вещей, многие тысячи пленных всякого состояния, в том числе и шляхетского, кои обращены в крестьян, задворных людей и холопов. Один из потомков Алексея Евтифеевича Нефимонова жил в сельце Волкове. Этот, Петр Герасимович, имел только 30 душ крестьян, но был обременен большой семьей. Когда его дети-погодки, мал мала меньше, вели себя неспокойно за обедом, то он усмирял их, стукая о стол ложкой, и от такого употребления эта ложка, большая и полукруглая, наконец совсем измялась. Жена Петра Герасимовича, Надежда Васильевна, была из гордого рода Палицыных. Должно быть, по ним он считал себя сродни князьям Голицыным и пользовался их расположением. Один из Голицыных, живший в Москве, взял к себе его старшего сына Николая и воспитывал в своем доме. Когда же умерла мать Николая, еще молодая женщина, а вскоре после нее и отец, то Голицыны пристроили его на полицейскую должность частного пристава в Ярославле и на прощанье подарили ему две золотых табакерки с портретами князя и княгини, рисованными на слоновой кости. Николай Петрович Нефимонов, по общим отзывам, был человек степенный, трезвый, дельный и честный. В его пользу надо сказать и то, что его двадцатилетняя сестра и он, восемнадцатилетний юноша, вполне заменяли умерших родителей своим младшим братьям и сестрам. По наружности он был очень недурен. Одна почтенная барыня, знакомая начальницы нашего пансиона, говорившая «ты» всем младшим ее летами, однажды сказала ему: «Имея бедных родных, нуждающихся в помощи, ты не можешь жениться на бедной девушке. Я присмотрела для тебя невесту Шестакову, у которой более 200 душ крестьян и дом в Ярославле. Она еще дитя 12 лет, но ты можешь подождать.

Приходи в пансион на танцевальный класс и следи за мной: которую барышню я посажу к себе на колени, та и есть твоя невеста». Так Николай Петрович увидел мою барышню, был ей представлен и похвалил ее за ловкость в танцах. Когда дама-покровительница указала ему на меня, смотревшую на танцы из соседней комнаты, то он и мне, как няне, сказал несколько слов о ней и ее доме, находившемся в подчиненной ему части города. После того он не являлся в пансион, но когда мы ездили на лето в усадьбу, он каждый раз подстерегал нас на дороге. В платье не то охотника, не то разбойника, с ружьем в руках, выскакивал он из леса на дорогу и останавливал нашу коляску, будто желая нас ограбить, но затем с поклоном подносил моей барышне коробку конфет и исчезал в чаще. Такими выходками он явно применялся к мечтательным вкусам барышни. То же проделал он и тогда, когда, окончив курс ученья на четырнадцатом году, она поехала в свою усадьбу Мартьяново, Любимского уезда, на постоянное жительство. Но на этот раз он добавил обещание, что появится в наших местах при первой возможности.

Поселясь в усадьбе, мы нередко развлекались чтением романов. Барышня читала их вслух, а я слушала, и обе мы над ними плакали. Да и книжки-то прежде были такие чувствительные, каких нынче не найдешь. Почитайте-ка «Мортимера и Аминту» или «Дельфину», так и сами расплачетесь! Она ставила себя в роль главной героини и хотела верить, что благосклонная судьба, в надлежащее время, уже недалекое, сама приведет к ней ангелоподобного героя. Я же не увлекалась романом, как чужою жизнью, не мечтала ни о чем для себя, а для нее желала только доброго и хорошего мужа. Тогда в нашем соседстве даже вовсе не было порядочных холостых кавалеров. Только раз в приходской нашей церкви появился приезжий офицерик, Каратыгин, молоденький и хорошенький. Он бросил на нашу барышню несколько умильных взглядов, но тем и ограничился, вопреки разглашенному его и на-

шею прислугою слуху о его намерении заслать к нам сваху и к обидному разочарованию барышни, сразу неосторожно поверившей этому слуху. Я не могла говорить ей о безбрачии. Муж ей был нужен и для того, чтобы прекратить дурное опекунское управление ее имением, допустившее расхищение родственниками половины драгоценностей ее матери, на сумму 6000 рублей. Поэтому я искренно внушала ей, что она должна выйти замуж за такого человека, заведомо хорошего и опытного, как Нефимонов, и притом поспешить это сделать. Опекуном ее был двоюродный дядя, Николай Яковлевич Скульский, у которого был сын Василий Николаевич. Они-то с Мыльниковым и решили выдать ее за Скульского. После разочарования относительно офицерика барышня моя стала поддаваться моим советам. Пока мы занимались чтением, Нефимонов действовал. Он съездил к Мыльникову и просил руки его сестрицы, Александры Гавриловны. Тот наотрез ему отказал, а сам, приехавши к нам, строго-настрого наказал дворовым нашим, что если, Боже сохрани, кто из них услышит, что Нефимонов близ Мартьянова, то сейчас же присылали к нему верхового. Но Николай Петрович действовал осторожно. Он сам избрал старушку-помощницу быть между нами посредницей. Она приносит письмо от Николая Петровича. Он объясняется в любви к Александре Гавриловне, просит ее руки и пишет: «Хотя ваш братец и отказал мне, но я не думаю, что это он сделал с вашего согласия. Если же, паче чаяния, вы откажете, то знайте, что мне остается только пуля в лоб». Прочитав такое письмо, мы обе расплакались. «А что, если он застрелится, свою душу погубит, братья же и сестры, которым он заменяет отца, станут проклинать вас?» — сказала я ей. Этот довод на нее подействовал, и она дала свое согласие. Через эту же посредницу она написала Нефимонову, чтобы в ближайшее воскресенье он приехал в нашу приходскую церковь к обедне. Нужно было действовать как можно осторожнее. По ночам я шила ей подвенечное платье.

24 октября 1820 года, по окончании обедни, неожиданно для всех выходит из алтаря жених и одновременно с невестой подходит к аналою, и начинается венчание. Лакей наш, старик, бежит к кучеру и говорит: «Ничего-то ты не знаешь, что у нас деется». — «А что?» — «Да ведь нашу-то барышню венчают!» — «Врешь?» — «Какое вру: поди, посмотри сам!» — «Как же теперь быть-то? Ведь надо скакать к барину!» — «Вот еще что выдумал, за двадцать-то верст скакать! Да пока ты думаешь, то их уже обвенчают!» И вот тридцатилетний жених и четырнадцатилетняя невеста стали муж и жена. Это не один такой случай: прежде рано можно было венчать и без всяких оглашений, тем более у помещиков.

Было бы не худо, если бы Нефимонов после своей свадьбы, хотя недели две, невинно забавлялся со своей молодою женой и продолжал ухаживать за нею, как бы за невестою. Вместо того, привезя ее в свою усадьбу Волково, он сразу сбросил маску кавалера и расхалатился по-деревенски, что ей не понравилось. Кроме того, молодой барыне было неприятно, что он не постарался обеспечить для нее вполне почтительное отношение со стороны домашних, чего добиться личными усилиями мешала ей детская наружность. А в доме жило много его родных, и случалось, что кто-нибудь из них посмеется над нею или даже скажет ей что-нибудь обидное; барин же если и заметит это, то пропустит мимо ушей, как пустяки, не стоящие внимания. Придет ночь, и барыня начнет со слезами жаловаться мужу на все претерпенные днем обиды, а тот ей в ответ: «Полно, матушка, плакать о пустяках; видно, тебе делать-то нечего. Женские слезы — вода!» А сам с этими словами отвернется от нее, да и захрапит. Она же не спит и плачет еще более, огорчаясь таким невниманием мужа к ее жалобам. На другое утро соберутся к завтраку (прежде чай-то пили мало, и то только по праздникам, в обыкновенные же дни, вместо нынешнего чая, подавался завтрак). Все веселы и едят, а она сидит с опухшими

от ночных слез глазами и ничего не кушает. Старая тетка барина, жившая тогда у него в доме, взглянет на барыню, да и скажет: «Это еще что за капризы? Да, впрочем, губа толще, так брюхо тоньше!» От этих слов старухи барыня опять в слезы, а барин опять молчит и ее не защищает. Бывало, соседи позовут их в гости в праздник или на именины. Барыня с радостью собирается, и барин соглашается, но с тем, чтобы ему дали соснуть часок. Вот она уже одета, и лошади стоят у крыльца; а он, услыша нетерпение в ее зове, говорит, зевая и потягиваясь: «Велите лошадей отложить, мне что-то нездоровится». Ну, понятно, барыня плачет и сердится. Барин же как будто не замечает ни того ни другого.

Конечно, она была почти дитя, и потому ее слезы иногда бывали детские. Но не всегда так бывало. Раз приходит к ней какая-то женщина и, показывая на свою девочку, говорит: «Вот, матушка, не оставьте мою Любу: она дочь вашего мужа». Барыня опять в слезы. Всякий господин согрешает до свадьбы, но ей хотелось бы, чтобы ее муж был получше других, и ей он сделался противен. Случалось, что он начнет ее целовать, а она плюется. Может быть, вследствие какой-нибудь гневной вспышки с его стороны, она начала его бояться; пойдут, например, они в лес гулять, а она думает: «Как бы он меня не убил». Родив первого мертвого ребенка, она просит мужа: «Отпусти меня в монастырь, возьми себе все мое имение, а я не хочу жить с тобой. Не отпустишь, то сама уйду!» А он отвечает не столько гневно, сколько добродушно-насмешливо и наставительно: «Ну, куда же ты уйдешь от меня? Ведь я тебя везде достану!» Только в разговоре со мной она отводила душеньку и успокаивалась немного. Однако наконец их семейная жизнь стала улучшаться, к моей великой радости. Бариновы сестры повыходили замуж, а братья встали на свои ноги, устроившись вне усадьбы, отчего барыня сделалась единственною госпожою в доме, и в нем ей стало покойнее. Мы переехали

жить в ее собственную, любимую ею усадьбу, Мартьяново. Здесь некая барыня втерлась к нам в дружбу, да и стала смущать всех. Барину говорит: «Что ты смотришь, да ничего не видишь? Жена твоя еще ребенок и будет к тебе ласковее, если прогонишь няньку, подучивающую ее против тебя». Нам же она говорит: «Не поддавайтесь барину; не то он няню прогонит, а имение себе заберет». На самом же деле ни я не возбуждала жены против мужа, ни муж не пытался овладеть имением жены, хотя управлял им почти неограниченно. Наговоры посторонней дамы тревожили нас и оказали влияние на барина, который однажды сказал жене: «Дай Авдотье вольную. Мы ее наградим, и пускай она живет, где захочет!» Узнав об этом, я с горькими слезами бросилась им в ноги и говорю: «Ничего мне не надо, только не гоните меня от детей ваших: очень уж я их люблю!» У барыни каждый год рождались дети. В последовавших за этим объяснениях выяснилось, как та старушонка нас мутила. Барин рассердился на нее, топнул ногой и приказал ей убираться, куда хочет, с тем, чтобы нога ее никогда более не переступала нашего порога. После этого пошла у нас мирная жизнь. В этом столе лежит черновое письмо, в котором сама барыня глаже меня говорит о перемене ее чувств к мужу.

КРЕПОСТНЫЕ И ГОСПОДА

Я охотно нянчила бы детей барыни, если бы твердая господская воля не возложила на меня почетной, но тяжелой и хлопотливой должности ключницы и домоправительницы. Моя обязанность была разливать чай, приготовлять варенье и соленье, выдавать повару провизию, назначать горничным работы и смотреть за их поведением, иногда ночь придет, а я долго не ложусь: то белье крою, то пересматриваю, все ли оно в порядке. Кроме того, много гостей к нам ездило, а особенно в приходские праздники или господские именины, не только из соседних усадеб, но даже из Любима, знакомые и родственники наезжали к нам на тройках, с лакеями и горничными; мне же приходилось распорядиться размещением и угощением их всех. Несмотря на все эти обязанности, я успевала наблюдать и за барскими детьми. У каждого из них были мамушки и нянюшки, которые также все состояли под моей командой. Кормилиц для барских детей брали из крестьянок; но существовало у нас такое обыкновение, что, отпуская кормилицу домой, по окончании срока кормления, господа в то же время, в награду за благополучное и добросовестное окончание этого дела, давали вольную ее дочери*. Это была великая награда, так как в других случаях девица, желавшая выкупиться на волю, должна была внести помещику 500 рублей ассигнациями (тогда серебряный нынешний рубль считался за 3 рубля 50 копеек), а в тогдашние времена такую сумму почти невозможно было приобресть обыкновенным крестьянским земледельческим трудом. Нянюшки же были из дворовых и за окончание своего дела награждались только сравнительным почетом и покоем, по усмотрению господ. Нянчанье, однако, не всегда проходило благополучно. Так и у нас был несчастный случай, когда няня, идя по лестнице с барышнею Сонечкою на руках, упала сама и уронила

девочку, у которой от того впоследствии сделался горбик. Конечно, такая нянька была навсегда удалена от должности. Остальные господские детки росли благополучно и становились красавчиками. Я мало их ласкала и целовала, но много любила, и пока они были малютками, всех их собственноручно мыла, так как признавала, что здоровье детей сильно зависит от полной чистоты их тела. Дмитрий и Надежда, как первенцы, кушали чай с сахаром и белым хлебом; в 20-х и начале 30-х годов чай еще не успел сделаться ежедневным и общим для всей семьи напитком. Остальные дети в то время довольствовались молоком и черным хлебом. Впрочем, черный хлеб так нравился мальчикам, что они часто добровольно крошили его с луком и квасом и славно уплетали эту «тюрю». Наконец, стали для вас нанимать учителей и гувернанток. За этими людьми присмотреть приходилось мне же. Бывали из них такие, что били детей; ну, я это уж живо сама прекращала. Некоторые любили гулять парочкой и целоваться в потемках. Это дурной пример детям, и о таких случаях я поневоле докладывала барыне на ушко, а ей самой где же все усмотреть! У меня глаза были зоркие, да и из прислуги некоторые добровольно помогали мне в наблюдениях. А наблюдать было за чем, так как одних дворовых людей при нас жило около 40 душ. Отчасти благодаря надзору все в нашем доме шло чинно и благородно. К чести барина скажу, что он старался избегать ухаживания за своими крепостными женщинами, между которыми были и красавицы, и воспрещал это сыновьям, когда те подросли. Не позволял он детям своим и наказывать прислугу, говоря: «Сам наживи собственных людей и тогда распоряжайся ими, а родительских не смей пальцем тронуть!» Сам же наказывал прислугу нередко, а строже всего преследовал неуважение к помещичьей власти. Иногда он казался до того грозен, что некоторые из подвластных, заслышав его приближающиеся шаги, начинали ощущать страх и старались,

если возможно, найти другой путь, чтобы избегнуть встречи с ним. Крестьян своих барин не разорял и по-своему заботился о них, соблюдая и свои интересы. У вашей замужней сестры сохранилось его письмо, в котором он сам описывает свои отношения к жениным крестьянам. В этом письме, написанном к зятю в 1859 году, сказано: «Любезный друг! Любушка пишет мне, чтобы владимирским крестьянам, Судогодского уезда, дать лесу на постройку. Верно, они на меня жаловались, не сказав о том, что у них прежде было 250 десятин строевого леса, который они, без всякой надобности, вздумали разделить по участкам, не берегли нимало, торговали им, употребляли его кому куда вздумалось, а некоторые пропивали вырученные за него деньги. Когда провели мимо наших деревень шоссе, крестьяне стали просить позволения выстроить постоялые дворы, но о лесе ничего не говорили. Я, не ездивши к ним, не осмотрев местности и леса, позволил им выстроить. Они сами по себе распорядились лесом: выстроили 8 постоялых дворов, употребив на каждый около 2000 дерев. Узнав о том, я поехал к ним, и когда увидел, сколько уничтожили прекрасного леса, ахнул от удивления! Скоро ли дождешься такого леса? Это веками достается. Им было на руку, что я к ним не ездил более 20 лет, не ожидая от них такой смелости; не считал необходимым бывать у них, получая оброк своевременно и не имея нужды в деньгах. Делать было нечего, возвратить потерю леса невозможно; побранил и, чтобы сберечь остаток леса строевого, в количестве не более 50 десятин, запретил, чтобы никто не смел его рубить более. Хотя в другой стороне и есть много леса, но он еще молод, на постройку не годится. Я и этот запретил рубить. Чрез несколько лет после того вся деревня Плохово выгорела. Мужики стали просить лесу. Как отказать? Я дал им из того участка, в котором осталось 50 десятин. Когда деревню выстроили, то лесу осталось не более 15 десятин. Как же после этого не запретить порубку? Иначе, избави Боже,

село выгорит, и они должны будут покупать для необходимой постройки лес на стороне. Теперь они уже поправились. Имея средства, могут покупать на постройку бревна, потому что оставшийся лес необходимо беречь на крайний случай. Оброк получается с них небольшой; у меня платят по 15 рублей с тягла, у вас еще менее. Вы их очень балуете. Мои, смотря на ваших, не будут платить, и с них ничего не получишь без принуждения. У них славный способ добывать деньги возкою камня на шоссе. По 60 копеек ассигнациями сажень, только вози; а камней так много, что в 20 лет не вывозят. Имение лесом дорого, а когда выведут лес — будет беда. Народ продувной, на всяком шагу стараются обмануть помещика. Я слышал от ваших крестьян, они вам жаловались, что я их изнурил во время постройки этапа, что они помогали моим крестьянам возкою леса. Я об этом не знал, возят ли они, а когда узнал, то приказал моему старосте сказать им, чтоб их никуда не наряжали. Все это отдаю на ваше распоряжение. Если хотите давать им леса, то прошу меня уведомить. Я прикажу им выделить на четвертую часть, а свой буду беречь. Лучше бы поберечь его вообще, целее будет. Впрочем, как вам будет угодно».

---

* Если же новорожденный был мальчик, то освобождался от рекрутчины.

Были у нас две семьи крестьян, находившиеся на оброке в Петербурге и нажившиеся торговлею. Они откупились на волю за 5000 рублей ассигнациями, и на эти деньги барин, в 30-х годах, отстроил два больших дома в Ярославле. Казалось бы, что люди, так дорого заплатившие за свою свободу, не могли любить своих бывших помещиков. Однако когда барыня, в начале 40-х годов, привезла своих сыновей в Петербург для определения в корпуса, то эти самые вольноотпущенники поместили ее в своем доме и оказали ей великий

почет и большое расположение. Барин, к счастью своему, не дожил до великого дня освобождения всех крестьян. Я же лично, как вы знаете почти за 40 лет до этого дня добровольно отказалась от свободы, из любви к моей барыне и ее детям, а день освобождения застал меня дряхлою, негодною для свободной жизни.

* * *

В «Русском архиве» публикация воспоминаний А. Г. Хрущовой сопровождается заметкой В. Н. Волоцкой под заглавием «Характеристика Авдотьи Григорьевны и конец ее жизни»:

«На этом обрываются воспоминания Авдотьи Григорьевны, записанные мною кратко. Продолжением их когда-нибудь явятся мои собственные записки. Теперь же добавлю несколько строк о положении в нашем доме, характере и остальной жизни Авдотьи Григорьевны. Сам глава дома, отец мой, относился к ней с полным почтением. Мать моя искренно ее любила и уважала. Мы же, дети помещичьи, ей, крепостной, иногда целовали руки и смотрели на нее почти так, как если б она была нам родной бабушкою. Против последнего названия старушка постоянно протестовала, говоря: "Что это? Ведь я девушка; как же у меня могут быть внучата?" Когда одна из моих сестер вышла замуж и, живя с мужем в столице, в 1844 году со страхом ожидала первых родов, то наша Дунинька, как мы ее называли, сказала моим родителям: "Она еще такой птенчик, и на чужой стороне, при мне было бы менее страшно. Отпустите-ка меня в Петербург!" Ее отпустили. Железных дорог тогда еще не было. Чтобы не причинить господам большого расхода, она поехала на долгих, тащилась пятнадцать дней и вытерпела прямо мучительную езду. Возвратись домой, она говорила: "Ну, слава Богу, хотя я много натерпелась дорогой, но зато насмотрелась на мою голубушку и ее ребеночка, обрадовала

ее и сама успокоилась, что ей живется недурно, а на прощанье все-таки поклонилась в ноги ее мужу, чтобы он ее любил и берег!"

После освобождения крестьян Дунинька осталась в нашем доме, но, к сожалению, уже в качестве инвалида, так как к этому времени она успела постепенно ослепнуть. Поневоле оставив свои обязанности домоправительницы, она заплакала. "Вот уже я стала никуда не годна!" Однако и слепая, она не оставалась праздною: попросит завязать чулок или шнурочек на рогульке и работает. Несмотря на слепоту и престарелый возраст, она осталась чистоплотною, деликатною и тактичною. Нравственная чистота ярко отпечатлевалась на ее лице, оставшемся до конца девственным, благородным и миловидным. Окружавшая ее тьма изредка освещалась яркими и приятными видениями, то светского, то религиозного содержания. Так, однажды представился ей Спаситель, благословением поощрявший ее к терпению; она протянула к нему руки и радостно говорит мне: "Как будто я не слепая: вот-вот Он стоит передо мной!" Во время болезни ее барыни (моей матери) Дунинька пыталась ощупью приблизиться к ней, чтобы оказать посильную помощь; но, случалось, иногда при этом сама натыкалась на мебель и стены. Когда же барыня скончалась, слепая няня сперва всю ее обшарила, чтобы убедиться, что умершую одели как следует, а потом трижды перекрестила ее и сказала. "Ну, слава Богу, теперь и я умру спокойно. Прощай, моя матушка, скоро увидимся!" Действительно, верная няня ненадолго пережила свою бывшую воспитанницу. Она скончалась с молитвою на устах через пять месяцев, в возрасте свыше 80 лет, в 1872 году, в Ярославле. По начитанности и развитию она стояла выше большинства своих современников даже из помещичьего класса. К ее добрым качествам следует добавить и бескорыстие: около 40 лет распоряжаясь хозяйством в зажиточном доме, она ничего не нажила. Было ею сбережено

только 86 рублей, полученных от членов нашей семьи в виде подарков на именины и праздники. Но и эти последние ее деньги она отдала одной девушке, которой нужна была шуба по случаю наступающей зимы, и, отдавая, говорила: "Зачем мне деньги? Я, слава Богу, сыта и одета"».

Такая вот история.

Но и она имеет свое продолжение.

«У барыни каждый год рождались дети (Это подтверждается показаниями самого Н. П. Нефимонова: в одном из обращений в дворянское депутатское собрание 1827 г. он упоминает о жене Александре Петровне, "имеющей от роду двадцать один год и троих детей: сына Дмитрия и дочерей Надежду и Любовь, имеющих ныне от роду лет первый пять, вторая четыре и третья три года". В обращении в дворянское депутатское собрание от 5 июня 1832 г. Н. П. Нефимонов указывает имена еще троих детей: сыновья Николай, Александр и дочь Варвара, "имеющие ныне от роду первый — 4, второй — 2 и последняя 1-го года")».

Дочь Варвара, в замужестве Волоцкая, и стала автором воспоминаний своей крепостной.

На сайте Ярославского историко-родословного общества есть сведения и о другой сестре — Надежде, которая впоследствии стала художником: родилась она в 1824 году. Замужем за личным почетным гражданином Григорием Васильевичем Измайловым (родился около 1854 г.), сыном пономаря Синдошской (так в документе) церкви Космодемьянской волости Вологодского уезда Вологодской губернии. Венчались 19 января 1876 года в городе Ярославле во Власьевском приходе, жениху было 22 года от роду. Умерла в 1886 году, погребена на Ярославском городском Туговском кладбище.

О судьбе третьей из сестер — Любови Николаевне сведений гораздо больше. На сайте Ярославского историко-родословного общества опубликована «РОДОСЛОВНАЯ ЯРОСЛАВСКИХ ДВОРЯН СТЕПАНОВЫХ», автором

которой является Сергей Юрьевич Яременко (г. Москва), в которой ее автор и представитель рода ярославских дворян Степановых продолжает исследование рода Пановых, прерванное Авдотьей Григорьевной Хрущовой.

Шестакова Александра Гавриловна (1806–1871) и коллежский асессор Нефимонов Николай Петрович (1790–1860 г.), проживавшие в селе Мартьяново, имели также дочь Любовь Николаевну, родившуюся 15 апреля 1825 года, которая вышла замуж за ярославского дворянина Эспера Ивановича Степанова (1810 г. р.), впоследствии генерал-майора.
В соответствии с данными РГВИА (ф. 400, оп. 12, д. 6267, л. 5–13) 7 декабря 1844 года у супругов Степановых родился Николай Эсперович, 4 июня 1847 г. — Владимир, 17 сентября 1851 г. — Эспер Эсперович, 10 декабря 1854 г. — Анна и 24 апреля 1862 г. — Евгения.

Эспер Эсперович Степанов закончил в 1870 году военное Константиновское училище, за отличие при обороне Шипкинского перевала с 13 по 15 августа 1577 года был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Дослужился до подполковника. Умер 18 июня 1896 года в городе Беле.

У него было трое детей: Елизавета (родилась 10 июля 1886 г.), Андрей (20 августа 1894 г.) и Михаил (9 сентября 1895 г.).

Сергей Юрьевич Яременко рассказывает о дочерях Эспера Ивановича Степанова — Елизавете Эсперовне Заболотской, у которой также было две дочери — Галина (в замужестве Яременко) и Зинаида (Борзакова). У Зинаиды Павловны была дочь Людмила Дмитриевна, в замужестве Колесник. У Галины Павловны 30 апреля 1948 года родился сын Сергей Юрьевич Яременко, исследователь семейной генеалогии, ныне здравствующий потомок Алексея Яковлевича Шубина и безвестной пока еще нам камчадалки, у которой, судя по имеющемуся у нас материалу о судьбах ее дочерей,



Елизавета Эсперовна с мужем

был счастливый брак с фаворитом императрицы Елизаветы Петровны, и она, вероятно, вплоть до самой смерти благополучно проживала в имениях своего мужа, и только ее смерть позволила Алексею Яковлевичу вступить в новый брак, история которого не является темой нашего исследования.

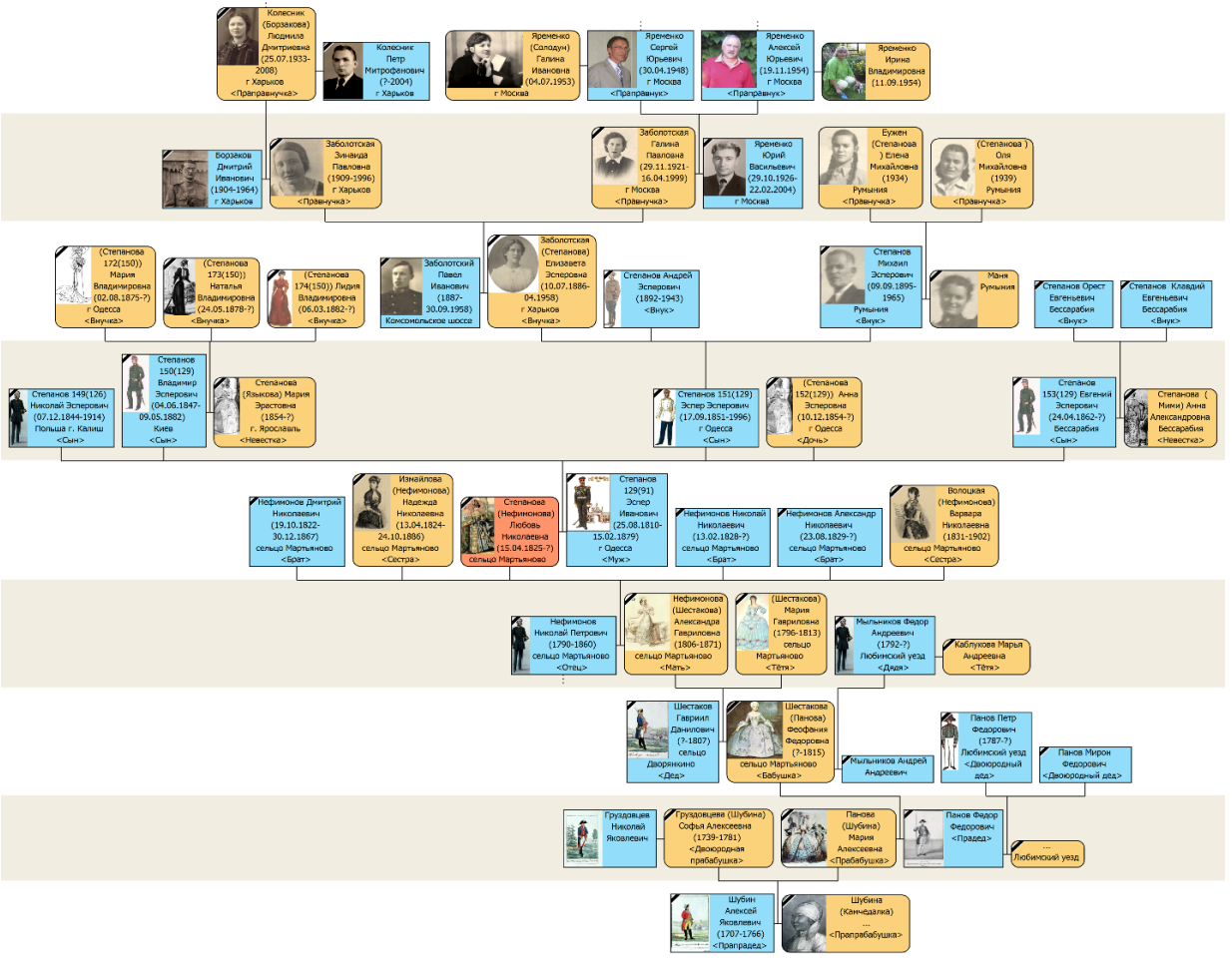
На сайте **www.kamchadaly.ru** опубликована книга Сергея Юрьевича «Родословная семьи Яременко», в которой он касается истории и камчатского рода Шубиных, и других ветвей своего обширного рода.



Семья Яременко. В первом ряду крайний справа Сергей Юрьевич, родовед.



С наследницей родовой памяти — внучкой Таней


Колесник (Борзакова) Людмила Дмитриевна (25.07.1933-2008) г Харьков <Праправнучка>
Колесник Петр Митрофанович (?-2004) г Харьков
Яременко (Солдаун) Галина Ивановна (04.07.1953) г Москва
Яременко Сергей Юрьевич (30.04.1948) г Москва <Праправнук>
Яременко Алексей Юрьевич (19.11.1954) г Москва <Праправнук>
Яременко Ирина Владимировна (11.09.1954)
Борзаков Дмитрий Иванович (1904-1964) г Харьков
Заболотская Зинаида Павловна (1909-1996) г Харьков <Правнучка>
Заболотская Галина Павловна (29.11.1921-16.04.1999) г Москва <Правнучка>
Яременко Юрий Васильевич (29.10.1926-22.02.2004) г Москва
Буюн (Степанова) Елена Михайловна (1934) Румыния <Правнучка>
(Степанова) Оля Михайловна (1939) Румыния <Правнучка>
(Степанова 172(150)) Мария Владимировна (02.08.1875-?) г Одесса <Внучка>
(Степанова 173(150)) Наталья Владимировна (24.05.1878-?) <Внучка>
(Степанова 174(150)) Лидия Владимировна (06.03.1882-?) <Внучка>
Заболотский Павел Иванович (1887-30.09.1958) Комсомольское шоссе
Заболотская (Степанова) Елизавета Эсперовна (10.07.1886-04.1958) г Харьков <Внучка>
Степанов Андрей Эсперович (1892-1943) <Внук>
Степанов Михаил Эсперович (09.09.1895-1965) Румыния <Внук>
Маня Румыния
Степанов Орест Евгеньевич Бессарабия <Внук>
Степанов Клавдий Евгеньевич Бессарабия <Внук>
Степанов 149(126) Николай Эсперович (07.12.1844-1914) Польша г. Калиш <Сын>
Степанов 150(129) Владимир Эсперович (04.06.1847-09.05.1882) Киев <Сын>
Степанова (Языкова) Мария Эрастовна (1854-?) г. Ярославль <Невестка>
Степанов 151(129) Эспер Эсперович (17.09.1851-1996) г Одесса <Сын>
(Степанова 152(129)) Анна Эсперовна (10.12.1854-?) г Одесса <Дочь>
Степанов 153(129) Евгений Эсперович (24.04.1862-?) Бессарабия <Сын>
Степанова (Мики) Анна Александровна Бессарабия <Невестка>
Нефимонов Дмитрий Николаевич (19.10.1822-30.12.1867) сельцо Мартьяново <Брат>
Измайлова (Нефимонова) Надежда Николаевна (13.04.1824-24.10.1896) сельцо Мартьяново <Сестра>
Степанова (Нефимонова) Любовь Николаевна (15.04.1825-?) сельцо Мартьяново
Степанов 129(91) Эспер Иванович (25.08.1810-15.02.1879) г Одесса <Муж>
Нефимонов Николай Николаевич (13.02.1828-?) сельцо Мартьяново <Брат>
Нефимонов Александр Николаевич (23.08.1829-?) сельцо Мартьяново <Брат>
Волоцкая (Нефимонова) Варвара Николаевна (1831-1902) сельцо Мартьяново <Сестра>
Нефимонов Николай Петрович (1790-1860) сельцо Мартьяново <Отец>
Нефимонова (Шестакова) Александра Гавриловна (1806-1871) сельцо Мартьяново <Мать>
(Шестакова) Мария Гавриловна (1796-1813) сельцо Мартьяново <Тётя>
Мыльников Федор Андреевич (1792-?) Любимский уезд <Дядя>
Каблукова Марья Андреевна <Тётя>
Шестаков Гавриил Данилович (?-1807) сельцо Дворянкино <Дед>
Шестакова (Панова) Феофания Федоровна (?-1815) сельцо Мартьяново <Бабушка>
Мыльников Андрей Андреевич
Панов Петр Федорович (1787-?) Любимский уезд <Двоюродный дед>
Панов Мирон Федорович <Двоюродный дед>
Грузовцев Николай Яковлевич
Грузовцева (Шубина) Софья Алексеевна (1739-1781) <Двоюродная прабабушка>
Панова (Шубина) Мария Алексеевна <Прабабушка>
Панов Федор Федорович <Прадед>
... Любимский уезд
Шубин Алексей Яковлевич (1707-1766) <Прапрадед>
Шубина (Камчадалка) ... <Прапрабабушка>

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

ФАВОРИТ ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА

ООО «Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
(812) 900-21-45
isvoe.ru
editor@isvoe.ru
Заказ № 1912
Подписан в печать 28.07.2017
Тираж 100 экз.